Шерлок Холмс против марсиан

Автор:
Генри Олди

Шерлок Холмс против марсиан

Генри Лайон Олди

Через год в Англии закончится викторианская эпоха. Но никто не знает, когда же придет конец жесточайшей войне миров. Боевые треножники марсиан наступают на Лондон, и лишь под захолустным Молдоном атака пришельцев захлебывается чудесным образом. Кто способен расследовать чудо? Ну конечно же, великий сыщик Шерлок Холмс!

А далеко от Молдона, в другом времени и месте, в кармане у Влада Снегиря – писателя, который уже десять лет как не пишет, – звонит мобильник. Можно сказать, труба зовет!

Встречайте новый роман Г. Л. Олди «Шерлок Холмс против марсиан»!

Буктрейлер к этой книге (http://youtu.be/fE-O21Up6Dg)

Генри Лайон Олди

Шерлок Холмс против марсиан

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Отбросьте все невозможное; то, что останется – и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался.

Артур Конан Дойл, «Знак четырех»

Глава первая

Треножники близ Молдона

1. «Сын грома» дает бой

Такого скопления судов у берегов Эссекса Англия, пожалуй, не видывала за всю свою многовековую историю. Клонившееся к закату июньское солнце рельефно высвечивало бесчисленные рыбачьи шхуны, кургузые колесные пароходики с Темзы, моторные лодки, паровые баркасы и катера, неуклюжие грузовозы, среди которых взгляд мимо воли выделял черных, как сажа, угольщиков. Разительным контрастом смотрелись белые океанские пароходы с гордыми и благородными обводами.

Увы, обширные илистые отмели Вайрли Ченнел не позволяли судам подойти близко к берегу. Между сушей и кораблями стайкой мальков курсировали весельные лодки, шлюпки и баркасы, доставляя на борт людей, бегущих на материк. Несметная толпа испуганных и взволнованных беженцев запрудила пологие берега реки Блэкуотер от траверза Оси-Айленда до Сент-Лоуренс-Крик. Дальше, там, где Блэкуотер, медленно неся свои мутные воды, впадает в

Северное море, толпа заметно редела: добраться в эдакую даль по здешним топям было не так-то просто. Ближе к Молдону, за Нортли-Айлендом – тут Челмер и Блэкуотер текли порознь, еще не слившись воедино – народу также собралось с избытком. Местные перевозчики и матросы с кораблей ленились подходить сюда на лодках. Желающих взойти на спасительные палубы было хоть отбавляй – к чему работать веслами лишние полмили?

В двух милях от берега на зеркальной глади залива застыло узкое хищное тело, одетое в серую сталь. Погрузившись в воду, казалось, по самые борта, миноносец «Сын грома» выглядел спящим. Лишь дым, курившийся над его трубами, давал понять, что корабль стоит под парами, готовый вступить в битву в любую минуту.

До пяти часов вечера ничто не предвещало трагедии. Солнце безмятежно сияло с небес, припекая. Луга вокруг Молдона радовали глаз сочной зеленью. Пологие холмы близ Лэнгфорда сплошь заросли? цветущим дроком; издали чудилось, что они покрыты ярко-желтым цыплячьим пухом. Царил полный штиль, вода текла расплавленным золотом.

Лишь шум и суета на берегу нарушали этот пасторальный пейзаж, грубо врываясь в благостную картину разморенного солнцем побережья. К небесам возносились крики и брань, мольбы и проклятия; слышались хриплые, каркающие голоса лодочников, яростно торгующихся с беженцами. Цены доходили до пятнадцати фунтов за место, но от желающих все равно не было отбоя. Толпа напирала. Какой-то молодой человек, по виду лондонский клерк в брюках мышиного цвета и таком же жилете поверх испачканной белой рубашки, отчаявшись, попытался запрыгнуть в отходящую лодку. Матрос на корме встретил его ударом весла, и клерк рухнул в воду, которая окрасилась кровью из разбитого носа. Котелок свалился с головы бедняги и поплыл прочь, вслед за лодкой. Молодой человек барахтался на мелководье, силясь встать. На помощь ему, подобрав юбки, пришла полная женщина средних лет. Она подсобила клерку и, развернувшись, стоя по щиколотку в воде, принялась громко стыдить глазеющих с пристани мужчин.

Едва колокол в молдонской церкви Всех Святых отзвонил пять пополудни, как с юга донеслись отдаленные звуки канонады. Толпа притихла. Люди замерли, вслушиваясь. Многие повернулись в сторону Вудхэма и Хоквела, пытаясь увидеть, что творится в той стороне, откуда долетали раскаты орудий. Однако туманная дымка, висевшая над побережьем несмотря на солнечный день, не

позволяла разглядеть ничего далее пяти-шести миль.

– Это в Шубэринесе! – уверенно заявил пожилой джентльмен с пышными бакенбардами, вглядываясь вдаль из-под руки и приложив другую ладонь к левому уху. Таким тоном обычно произносят: «На краю света, у черта на рогах! До нас не доберутся…»

Полминуты спустя джентльмен с бакенбардами, опровергая собственные слова и тон, протолкался к шлюпке и в последний момент успел перевалиться через борт, изрядно накренив лодку. Кормчий не стал бить джентльмена веслом, как это произошло с клерком – наверное, потому, что толстяк, не торгуясь, сунул ему в руку две десятифунтовые банкноты. В этот же миг ожил дремавший на рейде миноносец. Носовое орудие выпалило в воздух холостым зарядом, подавая сигнал, и на мачтах взвились разноцветные флажки. Дым из труб повалил гуще, но «Сын грома» не тронулся с места.

После следующего залпа артиллерии, прозвучавшего заметно громче, сделалось ясно: канонада приближается. Орудия били в районе северной оконечности острова Фаулнесс. Толпа, опомнившись, бросилась к лодкам, но было поздно. Шлюпки и баркасы торопились отойти от берега, направляясь к ожидавшим на рейде судам. Пароходик с Темзы вовсю шлепал колесами по воде, уходя на восток, в открытое море, мимо изогнувшейся полумесяцем линии кораблей. Шхуны спешно поднимали паруса, снимались с якорей; воздух наполнился клубами дыма – серого, черного и грязно-белого цвета. Ясный июньский день мерк на глазах, и причиной тому был не только закат солнца. Пелена дыма из пароходных труб быстро накрывала реку и Вайрли Ченнел. Казалось, сами земля и море в ужасе стремятся укрыться во мгле, ощущая приближение безжалостного и чуждого врага, порождения иного мира.

Над холмами, подернутыми предвечерней дымкой, встало разгорающееся зарево. Где-то в районе Саутминстера в небо поднялся высокий черный столб. На фоне зарева мелькнули угловатые тени – словно там, на холмах, суетились длинноногие насекомые.

Но первый марсианин объявился не оттуда, куда были прикованы все взгляды. Он тихо двигался вдоль берега со стороны Фаулнесса, по илистым отмелям Денжи Флэт в сторону Сэйлс Пойнт, намереваясь отрезать судам, сгрудившимся в устье Блэкуотер, выход из залива. Когда машину наконец заметили, было поздно. Позади него, за Краучем, показалась фигура второго марсианина. Он

напоминал трехногого паука-калеку, шагающего через сосновый перелесок. Однако двигался марсианин чрезвычайно быстро, и его фигура вырастала с ужасающей скоростью.

Следом появился третий.

Строй судов нарушился. Отчаянное хлопанье парусов, рев пароходных гудков, белые буруны, вопли беженцев. Винты и гребные колеса вспенили гладь залива. Корабли спешили в открытое море. В этой панике не обошлось без столкновений. Две рыбачьи шхуны, баркас с красной полосой на черной трубе и дюжина лодок в итоге легли на дно еще до подхода марсиан. Спасся ли хоть один человек из их пассажиров или экипажей, пожалуй, знал лишь Господь.

Блестя полированной броней, два марсианина уже входили в воду. Третий поначалу отстал, но вскоре догнал своих товарищей. Длинные металлические ноги позволяли им зайти достаточно глубоко, чем марсиане и воспользовались, желая подобраться как можно ближе к торопящимся прочь судам. По неизвестной причине они медлили пустить в ход смертоносный тепловой луч. Желали рассмотреть поближе плавучие механизмы? Понять, для чего они предназначены, какая энергия ими движет? Или просто рассчитывали сжечь корабли в упор, не расходуя энергию луча понапрасну?

Медлительностью марсиан и воспользовался капитан «Сына грома». Миноносец давно ждал под парами, все его орудия были заряжены, а команда готова к бою. Увидев противника, вошедшего в воду, капитан не потерял ни секунды, отдав команду «Полный вперед!». В толчее цивильных судов марсиане не сразу заметили устремившийся к ним бронированный корабль. Даже когда они уразумели, что «Сын грома» идет прямо на них, какое-то время марсиане еще воздерживались от активных действий. Похоже, они впервые столкнулись с человеческим боевым кораблем, и не поняли, что это такое. Металлические колпаки треножников возвышались над поверхностью залива на восемь-десять футов. «Сын грома» несся на них, не производя ни единого выстрела, словно капитан миноносца решился на таран.

Опомнившись, один из марсиан навел на миноносец пусковую трубу – и в сторону «Сына грома» хлынула туча черного газа. Как правило, газовое облако вспухало и расползалось в месте падения снаряда, выпущенного из трубы, но сейчас никакого снаряда не было. Видимо, марсианская пушка имела несколько разных режимов стрельбы.

Поток газа, больше похожего на густую жидкость, чернилами гигантского спрута омыл левый борт миноносца, но «Сын грома» успел набрать такую скорость, что за пару секунд оставил убийственное облако позади. Марсиане начали отступать, расходясь в стороны. Их треножники стремительно вырастали из воды, все выше возносясь над заливом. Ближайший колосс взмахнул генератором теплового луча. «Сына грома» окутало паром и дымом, и в тот же миг ударил ответный залп. Миноносец бил из всех орудий с близкого расстояния – промахнуться было невозможно. Марсианин пошатнулся, теряя равновесие, и второй залп буквально смел треножник. К небу взлетели исковерканные обломки металла вперемешку с кровавыми клочьями, и марсианин рухнул в воду.

Ввысь взметнулся исполинский гейзер, внутри которого бесновались вспышки зеленого пламени. Ответом было громогласное «Ура!», раскатившееся над Вайрли Ченнел: люди с уходящих судов приветствовали гибель марсианина и победу земного оружия.

Длинное темное тело вынырнуло из облака пара. Казалось, «Сын грома» целиком обуглился от удара теплового луча: броня почернела, покоробилась, из труб и вентиляторов вырывалось пламя, за миноносцем волочился шлейф дыма и жирной копоти. Но хода корабль не потерял – мстителем, лишенным сострадания, он мчался на второй треножник. Вновь хлестнул тепловой луч, и палуба миноносца взлетела на воздух. Корабль превратился в несущийся по водам залива плавучий вулкан. От взрывной волны марсианин пошатнулся, неуклюже попятился. В следующую секунду полыхающие останки «Сына грома» врезались в него, смяли и опрокинули. Второй гейзер был ужасней первого, и бо?льшую часть Вайрли Ченнел заволокло клубами пара и пеленой дыма.

Там, за этой завесой и внутри нее, что-то происходило. Мелькали смутные тени, пару раз сверкнул тепловой луч, взметнулись и опали глянцевые лоснящиеся щупальца. Слышалось громкое гудение и шипение, с плеском вздымались волны… Но вскоре расстояние и туман окончательно скрыли происходящее от людей, что наблюдали за битвой с уходящих через Ла-Манш к материку кораблей.

2. Том Рэдклиф лезет на колокольню

У Томаса Рэдклифа, работавшего грузчиком на железнодорожной станции Молдон Ист Стейшн, сегодня был выходной. По этому случаю Рэдклиф благополучно проспал до полудня. Проснувшись, он приготовил себе поздний холостяцкий завтрак: яичницу с беконом и крепкий чай, не забыв похвалить самого себя за предусмотрительность. В последнюю неделю Молдон наводнили бесчисленные беженцы из Лондона, Сэррея и с юга Эссекса, и цены на продукты взлетели до небес. Но даже по этим грабительским ценам выбор съестного в лавках поражал своей скудостью. Матушка говаривала Тому: «Запасливый лучше богатого.» Как в воду смотрела, царство ей небесное. Богатства Том не нажил, но в кладовой его деревянной хибары, расположенной в тупике Оук Клоуз, на вбитых в стену девятидюймовых гвоздях висели три кольца колбасы от старины Освальда, вкусно пахнущие дымком, едва початый окорок, связки лука и чеснока; в составленных штабелем ящиках хранились крупы, овощи, консервы…

Спроси кто-нибудь Рэдклифа, к чему ему такие запасы – он бы наверняка затруднился ответить. Просто мать запасалась провизией – и сына приучила. Том не задумывался: зачем? Так надо. Так говорила матушка. А матушка плохого не посоветует.

Зато теперь Том – кум королю, ежели брать по меркам Молдона. Жаль только, яйца заканчиваются. Яичницу Рэдклиф любил и жарил ее себе каждое утро вот уже шесть лет. Но пополнять запас – без штанов останешься, с нынешней-то дороговизной. Ничего, бог даст, переживем. Не навсегда же это, в самом деле?!

Как следует подкрепившись, Том отправился бродить по городу. Толпа на Хай-стрит повергла его в замешательство. Поток беженцев захлёстывал Молдон не первый день, но Рэдклиф все не мог привыкнуть. Никогда раньше ему не доводилось видеть таких скоплений народа. Говорят, в Лондоне всегда так. С ума сойти можно! И как там люди живут? Несмотря на июньскую жару, в глазах рябило от пиджаков и редингтотов, жилетов и дорожных плащей, платьев и кардиганов, котелков и цилиндров, чемоданов, саквояжей и узлов с пожитками. Гомон толпы, над которым время от времени раненой птицей взлетал отдельный вскрик, шарканье ног, ржание лошадей, стук копыт, скрип колес – шум забил Тому уши, слился в один неумолчный и неотвязный гул. Людской поток подхватил Рэдклифа и потащил по Хай-стрит в сторону реки.

По берегу Челмера толпа, бросая лошадей и повозки, текла на восток, к речному устью, туда, где Челмер сливается с Блэкуотер, впадая в залив Вайрли Ченнел.

Некоторое время Том шел со всеми, улыбаясь без видимой причины, но напротив Нортли-Айленда выбрался из толпы и поднялся на пригорок. Отсюда были хорошо видны бесчисленные суда, стоявшие на рейде вдоль северного берега залива. Почти час Рэдклиф с интересом наблюдал небывалое зрелище: бегство чертовой уймы людей, стремящихся пересечь Ла-Манш. Потом он кружным путем вернулся в город, зашел домой перекусить и направился привычным маршрутом в харчевню Карпентера на Гейт-стрит. Несмотря на творящееся вокруг столпотворение, эль у Карпентера подорожал в разумных пределах. Особенно для завсегдатаев, к коим, без сомнения, относился Рэдклиф.

Разговоров в харчевне только и было, что о марсианах. Ну, и еще о том, не пора ли уносить ноги за море, на континент. Прихлебывая эль, Том слушал с любопытством, но сам помалкивал: сказать ему было нечего. Марсиан он не видел, за море не собирался, а пересказывать слухи, полученные из десятых рук, не входило в привычки грузчика. «Сюда они не доберутся, – размышлял Том, заказывая третью пинту темного. – Где мы и где Лондон? Да и на кой им Молдон? Можно подумать, эти чудища летели черт знает сколько тысяч миль со своего Марса, чтобы взглянуть на наше захолустье!» В газетах писали о «миллионах миль», но Том, как ни пытался, не мог представить себе такое число. У него и тысячи-то с трудом в голове укладывались.

Том родился и вырос в Молдоне. Дальше Челмсфорда он не бывал. Рэдклиф любил свой город, но даже он понимал: Молдон, как ни крути, дыра дырой. Глухая провинция, даром что у моря.

В очередной раз он огляделся в поисках приятелей или просто знакомых, но кроме неопрятного старика Бэнфорда никого не обнаружил. Бэнфорд был уже под хмельком, и Том не стал к нему подходить. Колокол церкви Всех Святых пробил пять пополудни. Люси принесла Тому третью пинту. Рэдклиф кивком поблагодарил, отхлебнул эля – и тут снаружи послышался глухой гул, а следом отдаленный грохот, словно во время грозы. Шум голосов в харчевне сразу попритих. Снова раздался гром – сильнее и ближе.

– Они идут! Идут! – вскричал, нарушив напряженную тишину, старик Бэнфорд и опрокинул остатки пива себе в глотку.

– Марсиане!

– Они уже близко!

– Это батарея под Саутминстером! Они их задержат…

Уверенности в голосе говорившего не ощущалось.

Том никогда не простил бы себе, если бы пропустил подобное зрелище. Настоящая война, да не с какими-нибудь немцами или французами, а с чудовищами с Марса! В детстве Том одно время мечтал стать военным. Он должен это увидеть!

Наскоро ополовинив кружку, он махнул Люси и, бросив на стол пять шиллингов – все-таки и Карпентер драл втридорога! – выскочил на улицу. Дома вокруг заслоняли обзор. Видно было только, что со стороны Саутминстера в небо рвется лохматый столб дыма.

Церковь Святой Марии на Чарч-стрит! Это совсем рядом. Там есть колокольня. С нее все будет видно, как на ладони. Том побежал, неуклюже уворачиваясь от спешащих куда-то прохожих. На лицах людей явственно читался испуг, переходящий в ужас. Грузчик удивился. Сам он страха не испытывал. Его гнало любопытство. Да и с чего ему бояться марсиан? Он же не военный, у него и оружия никакого нет. Зачем в него стрелять? И церковь, к которой он стремился, марсиане разрушать вряд ли станут. Хоть и чудища, но не дикари ведь! С такими-то машинами, как пишут в газетах!

Деревянная калитка в старинной каменной ограде вокруг церкви была приглашающе распахнута. Том пронесся мимо церковного кладбища: серые плиты надгробий с полустершимися надписями застыли группой суровых часовых, возвышаясь над сочной травой, зеленеющей у подножий. Он нырнул в темную арку церковного входа и едва не сбил с ног викария Симпсона – приходского священника.

– Прошу прощения…

Но викарий, кажется, ничуть не удивился и не выглядел раздосадованным. Черная сутана висела на преподобном Симпсоне, как на вешалке; стоячий жесткий воротничок врезался в шею с такой силой, что лицо священника побагровело, словно при апоплексическом ударе.

– Вы вовремя. Идемте.

– Вы тоже?! – обрадовался Том.

– Ну разумеется! Я тоже хочу спастись. В церковном подвале крепкие стены, а места хватит нам обоим.

– Подвал? – опешил Том. – Я хотел взобраться на колокольню – оттуда лучше видно. Вы же мне позволите, ваше преподобие?

– Вы с ума сошли! – зашипел на него викарий. – Хотите погибнуть? Идемте в подвал.

Рэдклиф заупрямился. Как же так? Священник, как никто другой, должен надеяться на Господа и верить в милость провидения. Особенно в храме Божьем!

– Не бойтесь! Марсиане не станут разрушать церковь. В любом случае, Господь защитит нас, – добавил он на всякий случай, но именно последняя фраза окончательно вывела преподобного Симпсона из себя.

– Безумец! – воскликнул тот. – Иисус сказал: что посеешь, то и пожнешь!

Плюнув на упрямца, викарий резвей мальчишки стал спускаться по истертым ступеням, что вели в церковный подвал. Том пожал плечами и довольно быстро отыскал лестницу, ведущую в противоположном направлении: не под землю, а в небеса.

Точнее, на колокольню.

Наверху он перевел дух. Отсюда и впрямь открывался чудесный обзор. Весь Молдон, включая пригороды, поля, сосновые леса и перелески до самого Вудхэма, а также дельта у слияния рек и залив были как на ладони.

– Мама моя дорогая! – сказал Томас Рэдклиф.

Он впервые увидел марсиан.

3. Улла-улла-улла-улла

Три блестящих железных шлема на ходулях с целеустремленностью тараканов двигались с юга к Вайрли Ченнел. Подобные шлемы Том видел в местном Военном музее. «Это машины, – он припомнил вычитанное в газетах. – А внутри сидят чудища, похожие на спрутов.» Очень быстро троица марсиан оказалась на берегу и вошла в воду, заходя все глубже, словно намереваясь утопиться. Или их чудо-машины могут действовать под водой? На манер водолазного колокола?

Залив захлестнула паника. Суда спешили убраться подальше, в открытое море. Некоторые сталкивались друг с другом и шли ко дну. Навстречу марсианам устремился миноносец. А потом началась война. Один марсианин выпустил черный дым, второй выстрелил по миноносцу тепловым лучом. Часть Вайрли Ченнел заволокло паром и дымом. В густой пелене что-то ярко сверкнуло – раз, два, три. До Тома долетело гулкое «Бумм!». Ответный залп миноносца опрокинул врага, и Том, не в силах сдержать радости, во всю глотку завопил «Ура!», вторя беженцам на кораблях. Но тут снова ударил тепловой луч, миноносец протаранил марсианина-стрелка, и завеса из огня, пара и дыма окончательно скрыла происходящее. В ней что-то сверкало, двигалось, мелькали глянцевые щупальца, но рассмотреть что-либо толком не было никакой возможности.

С юго-востока, от Рудли-Грин, донеслись орудийные раскаты, и Том перебрался к другому окну. Взглянув в сторону поселка, грузчик охнул и даже чуть присел. Как раз в этот момент Рудли-Грин превратился в пылающий ад. Трое наступавших от Южного Вудхэма марсиан ударили тепловыми лучами по установленной в лощине батарее двенадцатифунтовых пушек. Первый луч угодил в ящики со снарядами, и батарея взлетела на воздух. Остальные лучи прошлись по поселку, превратив его в руины.

Рэдклиф смотрел на горящий Рудли-Грин, на вздымающийся к небу траурный гриб жирного черного дыма, и грубые ладони грузчика мимо воли сжимались в кулаки. То?му было жаль погибших артиллеристов, однако он понимал: это война, а войны без потерь не бывает. Но к чему уничтожать мирный поселок, не

представляющий угрозы? Правду писали в газетах: марсиане – безжалостные чудовища! Впервые Том пожалел, что он – не военный, и у него нет оружия. Что бы он сделал, будь у него револьвер или винтовка, Рэдклиф не знал, и даже не задумывался об этом. Что-нибудь, да сделал бы!

Тем временем марсиане неумолимо приближались к Молдону. Их было уже не трое, а много больше. Десять? Одиннадцать? Дюжина? Треножники перестраивались на ходу, мешая Рэдклифу их сосчитать. Неужели марсиане беспрепятственно войдут в Молдон и разрушат его до основания, как несчастный Рудли-Грин?!

Взгляд Тома отчаянно заметался по городским предместьям в поисках войск, орудий, укреплений – силы, которая смогла бы остановить марсиан. Одна батарея притаилась в юго-восточном предместье Лайм-Брук. Вторую Том обнаружил за кустами у перекрестка Лайм-Брук-уэй и Маринерс-уэй. Третья стояла посреди чистого поля сразу за окраиной, в трехстах ярдах от дома Рэдклифа – и как Том раньше ее проглядел?

Неужели это всё?! Три батареи против дюжины марсиан?!

Первой дала залп батарея в Лайм-Брук. То?му было хорошо видно, как пламя вырывается из орудийных стволов, и пушки окутываются клубами дыма. Спустя пару секунд долетел грохот выстрелов и взрывов. Снаряды рвались под ногами-ходулями боевых треножников, но, похоже, никто из марсиан не пострадал. Следующий залп батарея дать не успела: пять тепловых лучей, ясно различимых в подступающих сумерках, ударили по позициям артиллеристов. Кусты, скрывавшие орудия, мгновенно превратились в полыхающие факелы. Взорвались зарядные ящики, орудия и людей разметало во все стороны.

В грохоте потонул залп батареи, окопавшейся у перекрестка. Похоже, там служили более опытные артиллеристы, и они смогли взять точный прицел. Новая усиленная шрапнель рвалась в воздухе рядом с бронированными колпаками марсиан. Один блестящий колосс пошатнулся, но не упал, закачался в неустойчивом равновесии. Обретя наконец опору, он замер и больше не двигался. Его сосед споткнулся и дальше ковылял боком, подобно крабу, подволакивая металлическую ногу.

Развить успех артиллеристы не сумели. Оглушающий заунывный вой раскатился над полями, накрыв Молдон и окрестности. Звук был механическим, неживым: «Улла-улла-улла-улла!» – и оттого вдвойне жутким. Вой издал покалеченный треножник, его подхватили другие марсиане: «Улла-улла-улла!..» На батарею обрушились тепловые лучи. Том видел, как артиллеристы бегут прочь. Кажется, кое-кому удалось спастись. Но саму батарею постигла та же печальная участь, что и пушки в Лайм-Брук.

Теперь марсиане не прекращали огонь. Луч скользнул дальше, по домам окраины. Деревянные строения вспыхивали; занимались, как спички, деревья в садах и кусты в палисадниках. Трескались кирпичи, разлетались вдребезги стёкла в окнах. Горели уже не только деревянные, но и каменные дома. Пожары взметнулись ближе к центру города – на Фэмбридж-роуд, Шекспир-драйв и Марлоу Клоуз. А тепловой луч двигался всё дальше; описывая убийственную кривую, он быстро приближался к Оук Клоуз, где стоял дом Томаса Рэдклифа.

В оцепенении Том смотрел с колокольни, как адское пламя уничтожает Молдон, подбираясь к его хибаре. Нельзя сказать, чтобы Рэдклиф слыл ревностным прихожанином, но сейчас он взмолился со всей искренностью, на какую был способен: «Господи, спаси и сохрани! Не дай этим нелюдям уничтожить Молдон! Останови и покарай их! Не позволь им сжечь мой дом!» К чести Тома следует отметить, что о спасении своего дома он просил Господа в последнюю очередь, куда больше беспокоясь о родном городе. О себе же лично Том не вспомнил вообще.

Над Оук Клоуз поднялся высокий фонтан огня, к небесам взлетели обломки крыши. У Тома на миг замерло сердце: неужели у него больше нет дома?! Или пострадал кто-то из соседей? Из-за гари и дыма он, как ни силился, не мог разглядеть, какой из домов постигло несчастье.

4. Чудо Господне

Тепловой луч убрался дальше, в поле, за пределы Молдона. Том так и не понял: успела последняя батарея дать хоть один залп, или она взлетела на воздух, не сделав ни единого выстрела? В любом случае, с защитниками Молдона было покончено. Город полностью находился во власти марсиан. Стальные колоссы

приближались, пламя пожаров и лучи закатного солнца играли на полированной броне кровавыми бликами. Победный вой марсиан не умолкал, оглашая окрестности новоявленного Содома.

На глаза Тома навернулись слезы. Он упрямо вытер лицо кулаком, проморгался, а когда снова взглянул в окно колокольни – сперва не поверил увиденному. Да и никто бы не поверил, потому что с чистого неба сорвалась молния и ударила в ближайший треножник.

Словно раскаленный добела гвоздь, с треском и шипением ослепительный разряд вонзился в колпак марсианина. Мгновением позже треножник с оглушительным грохотом взорвался. Сверкнуло зеленое пламя, во все стороны полетели обломки колпака и ошметки кровавой плоти. Ноги колосса подломились и останки боевой машины тяжко рухнули наземь аккурат поперек Мандон-роуд.

Над домом, горящим на Оук Клоуз, медленно поднялось в воздух призрачно мерцающее сияние. Внутри него угадывалась человеческая фигурка. Темный силуэт был заключен в эфирный кокон, а может, яйцо, по поверхности которого то и дело пробегали опалесцирующие волны. От кокона исходил жемчужный свет, возвращая зловещему вечеру яркие краски солнечного дня, когда еще ничто не предвещало обрушившейся на Молдон беды.

Сразу три или четыре тепловых луча ударили в сияющий кокон, и Том в отчаянии закричал. Вся его душа противилась гибели чудесного создания, но Том ничем не мог ему помочь.

Помощи, как выяснилось, не требовалось. Лучи уперлись в блистающий эфир – и бессильно погасли. Сияние набирало мощь. Человек – ангел?! – внутри яйца торжественно воздел руки над головой, развел их на манер крыльев – и изо всех щелей колпака очередного треножника вырвалось жаркое чадное пламя. Колосс сделал еще один неуверенный шаг – и застыл: почерневший, обугленный, безмолвный. Из колпака к небесам ползли пряди жирного дыма, истаивая в сумеречном воздухе.

Гул тепловых лучей заглушил все иные звуки – даже несмолкаемое «Улла-улла-улла», в котором пробились нотки тревоги и страха. Теперь по светящемуся кокону стреляли все уцелевшие марсиане. В дополнение к тепловым лучам двое

выпалили из труб, метавших снаряды с черным газом. Однако ни один из снарядов не взорвался и не изверг из себя газ, а лучи по-прежнему не приносили удивительному созданию никакого вреда. Более того, скользя мимо и попадая в городские постройки, они больше не причиняли повреждений домам Молдона!

«Чудо! – шептали губы Тома. – Это чудо! Благодарю тебя, Господи!»

Фигура в коконе тем временем производила некие загадочные пассы. Их поистине сокрушительное действие не замедлило сказаться на марсианских захватчиках. Над двумя вспухли клубки разрывов, словно в марсиан угодили снаряды восставшей из мертвых батареи. Еще трое застыли без видимых причин, будто окаменев. Один покрылся белой изморозью, другой потускнел, утратив металлический блеск. Третий на вид ничуть не изменился – просто замер и больше не двигался.

Какой-то треножник развалился прямо на ходу, осыпавшись хлопьями ржавчины в высокую траву возле Вудхэм Мортимер.

Уцелевшие марсиане резко остановились, как если бы налетели на невидимую преграду. Развернувшись, они торопливо зашагали прочь от Молдона – на запад, в сторону Данбери. Далеко уйти им не удалось. Возмездие настигло пришельцев у опушки Паснидж-вуд. Фигурка в коконе всплеснула руками – и перед беглецами взметнулась ослепительная бело-голубая стена высотой не менее двухсот футов. Лес огонь не затронул, но бронированные колоссы сгорели в мгновение ока, как мотыльки в пламени свечи.

Пожрав свои жертвы, пламя опало и исчезло. Том смотрел на поле боя, на треножники, замершие без движения, на пострадавший, но уцелевший Молдон – и пытался осмыслить случившееся. Стальные машины-убийцы, ад во плоти, обрушившийся на город – и чудесное избавление. Неужели его молитву услышали?!

Грузчику и в голову не пришло, что в те минуты, когда трехногая гибель нависла над Молдоном, многие жители взывали к небесам вместе с Томом Рэдклифом.

Сияющий кокон плавно опустился на грешную землю и, коснувшись ее, угас. На Оук Клоуз догорал чей-то дом. То?ма? Соседей? В любом случае, сказал себе Том, я должен быть там! Чей бы дом ни горел, людям нужна помощь! А еще он втайне

надеялся увидеть сошедшего с небес ангела. Ну что стоит ангелу чуточку обождать?

Оскальзываясь на вытертых ступенях, рискуя свернуть шею, Том Рэдклиф начал торопливый спуск с колокольни.

Он боялся опоздать.

Выбравшись из церкви, Том сразу припустил бегом. Свернул с Чарч-стрит на Милл-роуд, удивился: улица словно вымерла. На тротуаре – ни души, в окнах – ни огонька. Фонари тоже не горели. Люди, подобно викарию Симпсону, прятались по подвалам, боясь высунуть нос наружу. Том знал Молдон, как свои пять пальцев. В родном городе он бы не заблудился даже в кромешной тьме, а сейчас стояли сумерки. Ночь медлила лечь на Молдон. Багровый диск солнца лишь до середины скрылся за Бассеттским лесом, темнеющим на западе.

Том среза?л путь, пробираясь к Оук Клоуз переулками. Время от времени он перемахивал через заборы, как делал это десять лет назад, будучи мальчишкой. На перекрестке Саксон-уэй и Джерси-роуд ему пришлось лезть через завал: здесь рухнул двухэтажный дом Флэтчера. Развалины еще дымились, но пожар утих. Запыхавшись, перемазавшись сажей, известкой и кирпичной пылью, Том выскочил на скрещение Мермейд-уэй и Оук Клоуз. На миг он испытал постыдное, но вполне понятное облегчение: его хибара уцелела! Зато особняк Лиггинсов превратился в чадящие развалины. Дом разворотило до самого фундамента: остался лишь кусок стены, в котором зиял прямоугольник оконного проема с выбитой рамой. Позади стены темнела груда битого кирпича, по обугленным и дымящимся балкам проскакивали язычки огня; вокруг лежали искореженные куски кровельной жести…

Среди разоренного двора рыдала девочка лет семи. «Дженни, – припомнил Том. – Ее зовут Дженни.» Племянницу Лиггинсов кто-то привез в Молдон с неделю назад. Порванное голубое платье, грязные потеки на испачканных сажей щеках…

Девочку окружали люди, большей частью – соседи. Все они смотрели на Дженни. Кое-кто опустился на колени, не боясь порвать брюки. Никто не пытался утешить ребенка. Люди просто стояли и смотрели.

Вот ведь бестолочи!

Том решительно протолкался вперед и подхватил девочку на руки:

– Не бойся, Дженни. Я – дядя Том. Помнишь меня?

Девочка неуверенно кивнула. В кулачке она сжимала обгорелый листок бумаги.

– Все будет хорошо, Дженни. Они больше не придут.

Дженни продолжала всхлипывать, но уже не так безнадежно, как вначале.

Том обернулся к толпе:

– Вы что, сдурели? Чего пялитесь? Ребенка напугали!

Он огляделся в поисках Лиггинсов, желая передать им Дженни, но тех нигде не было видно.

– А где Сайлас? Марта?

Люди прятали глаза. Отворачивались. Дженни вновь разрыдалась. Том все понял. Вернее, это он тогда думал, что понял. Он стоял с плачущей Дженни на руках и не знал, что делать дальше. Но замешательство продолжалось недолго.

Том принял решение.

Интермедия

Снегирь – птица певчая

[1 - Интерме?дия (от лат. Intermedius – находящийся посередине) – сцена комического характера, разыгрываемая между действиями основной пьесы.]

– Фигня, – сказал я. – И томление духа.

– Ну почему? – возмутилась Тюня. – Две сюжетные линии заплетены косичкой. Создают объем. Работают на контрасте. Почему фигня?

– Фигня-шмигня, – я с удовольствием развил тему. – Объем-шмобъем. Смотри сама: первая линия у тебя костюмирована. Рыцари-шмыцари, турниры в турнюрах. Шмильгельм Завоеватель в рогатом шлеме… э-э… В шмеме. Рогатом, да. Матильда Фландрская трахалась с Брихтриком Альбиносом. Беленький такой, страстный кобелек. Раздвинула ножки, у мужа выросли рожки. Шможки…

– Задрал, – предупредила Тюня.

Взяв меня за воротник, она уточнила:

– Шмадрал. Убью.

Кто-кто, а Тюня была страшна во гневе. Уж я-то знал.

Снег скрипит вкусно. Морозец кусает за щеки. У кофе одуряющий аромат. Все эти штампы, затрепанные до бахромы по краям, я имел счастье испытать на себе. Снег скрипел, когда я переминался с ноги на ногу. Щеки задубели, время от времени я тёр их ладонью. Ну и кофе, да. Наводит на мысли о коньячке. Еще один штамп, дарованный нам свыше.

Из павильона нами любовалась продавщица. Рыбий взгляд ее блестел щедрой бабьей слезой. Жизнь идет мимо, читалось в этом взгляде. Жизнь хлещет кофе со сливками, не заботясь сроком годности и содержанием транс-жиров, а нам остается жалкая сдача на чай. Топчась у обгрызенной по краям уличной «раздачи», грея ладонь пластиковым стаканчиком с «американо», любуясь видом на толпу, сливающуюся в метро, я почувствовал себя записным франтом в ресторане «Метрополь».

Человек! Устрицы свежие?

– Рыцари, – повторил я. – Красотища! И что мы имеем с гуся по второй линии? Вид из окна на мусорные баки. Свинцовые мерзости жизни. Бытовка, тоска и

уныние. Будни офисного планктона! Тюня, ты садистка. Тебя надо лечить принудительно.

– Контраст, – уперлась Тюня. – Большая литература.

– Я бы сказал, убийственный контраст. Если угодно, самоубийственный. Читатель терпелив, но не до такой же степени! Он прилег отдохнуть, обнажил пузо для чесания. Твоя задача – навеять ему сон золотой. Где сон? Где золотой?! Кошмар, и дом плача. А персонажи? Возьмем, к примеру, тебя. Джинсы, пуховик, вязаная шапочка. Никто и не смотрит, все бегут по делам. А нарядись ты, дитя мое, в серебряные латы, как Жанна Д'Арк, или нацепи треуголку, сунь за пояс ятаган, надень повязку через глаз…

Судя по лицу Тюни, я с моими примерами забрел куда-то не туда. Скажем, на минное поле.

– Значит, я уродина? – свистящим шепотом спросила она. Звук шел не из горла, как положено, а из клапана протекающего баллона с газом. – Уродина, да?

– Тюня, лапочка…

– И пуховик мой – дешевка?!

– Сокровище…

– И джинсы?!

Я обреченно сдал назад:

– Шапочка. Шапочка – чудо. И ты – чудо.

– А ты?!

– А я – скот волосатый. Ни разу не рыцарь.

– Шмыцарь! Альбинос-импотент!

Хвала телефону, зазвонил. Я схватился за мобильник, как утопающий – за соломинку. Продавщица за стеклом оживилась, рассчитывая на продолжение скандала. Ну да, папик ссорится с молоденькой шалавой. Будет о чем поведать городу и миру.

– Слушаю!

– Чтоб ты оглох! – пожелала мстительная Тюня.

– Пушкинский въезд, – оперный бас Гремучко сильно терял в мобильном формате. – Дом тринадцать, возле арки во двор. Второй этаж, квартира четыре. Если верить регистрации, Палийчук Анна Игоревна. В диспетчерскую службу поступил аварийный сигнал. Тюня с тобой?

– Ага.

Бас сгустился набатной медью:

– Бегом!

Ну, мы и побежали.

Пока суд да дело, позволь представить тебе, почтеннейшая публика, милейшую Тюню, она же Тоня, она же Антонина Глебовна Недереза. И если ты, почтеннейшая публика, рискнешь отпустить шуточку по поводу Недерезы, шуточку столь же банальную, сколь и ожидаемую, то я, Владимир Чижик, не дам за жизнь твою и ломаного гроша.

Ясно?

Итак, представим себе девицу чу?дного возраста, а все, что меньше тридцати, чудесно по определению; девицу приятную во всех отношениях, скорее милую, нежели королеву красоты, с характером, который трудно описать, не прибегая к сильным выражениям, легкую на ногу и на руку, блондинку на каштановой подкладке, кумира семиклассниц, балдеющих от приключений Таиры Алой, девы-воительницы в шести томах – любовь 12+, кровь 12+, слово «мерзавец»

под вопросом, слово «жопа» исключается…

Ладно, остальное – в другой раз.

Да, почтеннейшая публика, я знаю, что тебя нет. Я выдумал тебя, едва заметил на переломе жизни, что веду нескончаемые внутренние диалоги. Приятели, друзья, жены друзей, сантехник, дворничиха – завершив разговор в реале, я продолжал его сам, без собеседника, день за днем, мучаясь бессонницей, сочиняя реплики за обоих, ссорясь и мирясь, обижаясь и прощая. Тень психоза маячила за спиной. Черные крылья реяли над головой. Рукава смирительной рубашки мечтали завязаться морским узлом. И тогда я изобрел универсального собеседника – тебя, почтеннейшая публика.

Благодарю за внимание, антракт.

* * *

– Кто там?

– Квитанции!

– Открываю…

Это Тюня придумала. Поначалу я, дурень, честно связывался по домофону с объектом и вступал в длительную беседу, объясняя, кто я такой. В итоге меня не пускали. Я звонил менту, который по идее нас «крышевал», мент сперва не брал трубку, потом обещал приехать через час…

Я ждал его до вечера, изрыгая брань и хулу.

С пятого раза Тюня взяла власть в свои руки. Она набирала номер квартиры наугад, произносила волшебное слово «квитанции» – и сезам открывался без возражений. Иногда мне снилось, как Тюня бестрепетно подходит к воротам Белого Дома, говорит: «Квитанции!» – и вскоре пьет «Glenmorangie» в Овальном кабинете, а президент США у нее на посылках.

В подъезде пахло табачным дымом.

– Кто там?

Голос был старушечий, из тех бодрых козлетонов, какими на эстраде блеют юмористы-трансвеститы.

– Поступил сигнал, – трагическим тоном сообщила Тюня.

– Свидетели? – предположили за дверью. – Иеговы?

– «Вербалайф».

– Чего?

– Палийчук? – встрял я. – Анна Игоревна?

– Ну, Палийчук. Серафима Петровна.

– Анна Игоревна дома?

– Так вы к Нюрке, что ли?

Щелкнул замок. На пороге стояла бабка – божий одуванчик. Халат, шлепанцы, усики над верхней губой. Беда, понял я. Эту породу цветов я знал от и до. Их вдоль линии фронта высаживать, вместо противотанковых надолбов.

– Можно?

– Вот! – бабка скрутила кукиш.

Большой мосластый палец старой ведьмы, выставленный дальше, чем позволяла анатомия, неприятно шевелился. Ей-богу, бывают минуты, когда я ненавижу свою работу. Будь они прокляты, первые минуты контакта, когда нам с Тюней позарез надо попасть к объекту в квартиру, закрепиться на позициях и начать мозговой штурм. Будь я следователем прокуратуры, сотрудником ЖЭКа,

психиатром или на худой конец домушником – все было бы гораздо проще.

– Анна Игоревна – ваша дочь? Невестка?

– Внучка.

– Она дома?

– Натворила чего? Или гулять зовете?

– Вы, Серафима Петровна, – зашел я с козыря, – только не волнуйтесь.

– А я и не волнуюсь.

– Вот и не волнуйтесь.

– А я и не…

– Хорошо? Главное, держать себя в руках.

– А я…

– Мы с вами – люди взрослые. Мы понимаем, что в жизни всякое случается…

Лучшего способа довести собеседника до инфаркта я не знал. Трижды попроси человека не волноваться, и он с ума сойдет от нервов.

– Натворила, – кивнула бабка. – Ох, девка!

И захлопнула бы дверь, не вставь я ботинок в щель.

– Вы на него не сердитесь, Серафима Петровна, – ангельским тоном спела Тюня, кивая в мой адрес. – Он хороший, просто грубый. Все мужчины…

Тюня взяла паузу, приглашая бабку вступить. И не ошиблась.

– Мужичьё, – согласилась Серафима Петровна. – Никакой деликатности. Мой, земля ему пухом, носки кидал где попало. И раковину после бритья…

– Не мыл? – ужаснулась Тюня. – Вот же гад!

– Ага. Ты, девка, молодая, а я вижу, битая. Ну заходите, что ли…

Я пропустил Тюню вперед. Грехи сильной половины человечества гнули мои плечи к земле. Разулся в коридоре, и то с трудом. Куртка повисла на крючке, рядом с Тюниным пуховичком.

– Читает? – спросила Тюня у старухи, имея в виду отсутствующую Нюрку.

– Вот-вот, – бабка насупилась. – И она мне: читаю я, ба! Не мешай! Разве ж это чтение? Заляжет на диване, в каске своей, и пялится в потолок. В мое время читали, так читали! В книжку смотрели, странички переворачивали. Я, бывало, палец слюнила… А эта – в каске! Тьфу, стыдоба!

– Можно к ней зайти?

– Ты заходи. А этого не пущу, грубияна.

– Он будет молчать.

– Ну если молчать…

– И вы молчите, Серафима Петровна.

– Я? У себя дома?!

– Очень прошу вас. Умоляю. У вашей Анечки…

Я оценил красоту игры: «Анечка» сработала на все сто.

– …у нее книжка глючит. Заела, в смысле. Надо чинить, только осторожненько. Сами понимаете, каска. Нам бы лучше по-хорошему, без докторов.

– Чего ж мне не понимать? – у бабки стало профессорское лицо. Чистый, значит, нобелевский лауреат. – Не дура, чай! Чини каску, разрешаю. Говорила я Нюрке – зараза твое чтение! От книжек все беды…

Мы прошли в гостиную с телевизором, а оттуда – в маленькую, судя по обстановке, Нюркину комнату. На столе неярко светился монитор: заставка «Часы». Шторы были задернуты, создавая интим. Сама виновница нашего прихода – голенастая пигалица лет тринадцати – лежала на диване в шлеме для гиперактивного чтения. Опущенное забрало скрывало верхнюю часть лица. Губы девицы растягивала улыбка Снежной Королевы: ледяная, неподвижная. Лишь уголок рта все время подергивался. Аритмичный тремор, верный спутник гиперчитателей – этого добра я насмотрелся, привык, хотя поначалу ломало не по-детски.

– «Вербалайф», – вслух прочла Тюня, указав на надпись, украшавшую налобник. – Это мы, Серафима Петровна. Мы вам так и сказали, на лестничной клетке.

Вместо ответа бабка одернула Нюркино платьице, задравшееся выше коленок.

– Чини каску, – повторила она. – А мужик пусть вон идет. Неча на Нюрку пялиться, не витрина. Вон, телевизор врет: от пидафилов не продохнуть! Так и лезут, что твои тараканы…

– Врет ведь, – неудачно пошутил я. – Сами говорите.

– Давай, давай, – железные клещи ухватили мой локоть. – Вали на кухню. Чаю дам, а девок обозревать – зась! Каска одна, ее вдвоем не чинят… Ишь, механик!

Меня волокли прочь. Тюня страдальчески следила за изгнанием, не зная, что предпринять. Я шарил взглядом по сторонам, ища спасительную соломинку. Наверное, там, в небесах, кто-то оглянулся на мои муки, ибо чудо не заставило себя ждать. На книжной полке, зажатый между варягами Мартином и Аберкромби, блестел заклеенным корешком наш счастливый шанс.

– Я писатель! – вскричал я. – Известный!

– Ага, – уперлась бабка. – А я буфетчица в Кремле.

Судя по ее тону, буфетчица крыла писателя, как бык овцу.

– Вот!

Извернувшись вьюном, я выхватил заветную книжку из строя. Так выхватывают наган из кобуры. Черт, меня даже на слезу пробило, таким затрепанным, зачитанным, правильным было это издание.

– «Гуляй полем»! Влад Снегирь!

– Сам гуляй! – возмутилась Серафима Петровна. – Хамло!

– Это название! А вот и фотография!

Книгу у меня изъяли. Изучили, обнюхали, облизали. Сверили фото с оригиналом, сходства не нашли. Еще бы, столько лет минуло! Без напоминаний я достал паспорт – там имелись аж две фотографии: в двадцать пять и сорок пять лет. Криминалистическая экспертиза продолжилась.

– Тут Снегирь, – бабка взмахнула книжкой, едва не снеся мне челюсть. – Писатель Снегирь. А тут, – взмах паспортом, – Чижик. Гражданин Чижик. Это как понимать, шпион?

– Псевдоним, – объяснил я.

– А-а… – в глазках Серафимы Петровны сверкнул подозрительный блеск. – Так вот ты кто, голубь сизый…

– Кто?

Ситуация превращалась в дурной водевиль.

– Меньшинство. Тебя обижать нельзя.

– П-почему?

– Ты Обаме наябедничаешь.

– Какое я вам меньшинство?!

– А такое. Сам сказал, какое. Сиди в комнате, разрешаю. Теперь я за Нюрку спокойная…

Тюня уже устроилась за монитором. Пальцы ее молотили клавиатуру, как сидорову козу. «Часы» сгинули, окна открывались и закрывались с молниеносной быстротой. Бабка, и та залюбовалась. Огонь, вода, чужая работа – вот на что можно смотреть вечно.

– «Война миров», – сказала Тюня. Судя по ее ухмылке, гончая взяла след. – Умненькая ты девочка, Палийчук Анна Игоревна. Умненькая-разумненькая буратинка. Снегирь, ты слышишь? Она читала «Войну миров» Уэллса.

– Ломаную?

– Ага. Сейчас я найду точку взлома.

Глава вторая

Вокзал для двоих

1. Вы нужны Англии!

Грохот колес по Стейшн-роуд Том услыхал издалека. Вскоре на привокзальную площадь Молдон Ист Стейшн въехала целая вереница санитарных фургонов зловещего черного цвета. На боку каждого имелся красный крест в белом круге. Рэдклиф встал и потянулся, разминая плечи. Его смена только что закончилась.

Доставь фургоны какой-либо груз, Том бы и пальцем не пошевелил. За минувшие шесть дней он устал больше, чем за всю жизнь.

Раненые – другое дело. Санитарам потребуется помощь.

Возглавляла процессию бричка с откидным верхом, запряженная гнедой кобылой. На козлах рядом с кучером восседал приезжий доктор. Он же и подал возницам знак остановиться, вскинув руку вверх.

– Доброе утро, сэр, – Том подошел ближе.

– Доброе утро, – взгляд доктора зацепился за форменную куртку из вельветина, которую Том не успел снять. – Вы работаете на станции?

– Да, сэр.

– Не знаете, прибыл ли утренний поезд из Челмсфорда?

– Должен прибыть с минуты на минуту.

– Очень хорошо. Где выход на платформу?

– Выход вон там, – Том указал рукой через площадь на здание вокзала; вернее, на единственную дверь, ведущую внутрь. Она пряталась в тени колоннады с арочными проемами, тянувшейся вдоль всего фасада здания. – Через вокзал. У нас двери узкие, сэр.

– Ну и что?

– Вы ведь привезли раненых?

– Совершенно верно. Их нужно отправить в Челмсфордский госпиталь этим поездом.

– Тогда лучше нести в обход. Давайте, я покажу?

– Буду весьма признателен.

Доктор улыбнулся – впервые с начала разговора. Его пшеничные с проседью усы залихватски вздернулись, и с неожиданной для своих лет легкостью доктор спрыгнул с облучка повозки на брусчатку. Он оказался почти одного роста с Томом, которого дразнили громилой.

– Показывайте.

Рэдклиф помог дюжему санитару извлечь из головного фургона носилки с раненым – у бедняги была перевязана голова – и, заняв место впереди, знакомым путем двинулся в обход здания вокзала. Доктор шел рядом. Следом потянулись санитары с носилками.

Они успели сделать три ходки туда-обратно и перенести всех раненых, когда со стороны Челмсфорда донесся паровозный свисток. Вскоре показался поезд. Едва состав, обдав платформу облаком пара, остановился у перрона, доктор ринулся на поиски начальника поезда. Его энергии можно было позавидовать. Том даже подумал, что из доктора получился бы неплохой грузчик. Начальник обнаружился в первом вагоне; Том видел, как доктор что-то втолковывает хмурому седовласому коротышке, предъявляет ворох бумаг. Начальник смотрел мимо доктора, брезгливо поджимал губы, и, похоже, ничего не хотел знать. К счастью, через пару минут на перроне образовался мистер Иствик, начальник станции, и пришел доктору на помощь. Вдвоем они, хоть и с немалым трудом, одержали победу в словесной баталии, после чего доктор распорядился грузить раненых в поезд, из которого к тому времени вышли пассажиры.

Удостоверившись, что погрузка проходит без всяких препятствий, доктор вздохнул с облегчением. Сняв котелок, он вытер со лба испарину батистовым платком, огромным как знамя. Битва с начальником поезда далась доктору нелегко. Том предположил, что наверное, доктору легче было бы поставить на ноги десяток больных.

– Благодарю вас, молодой человек, – доктор кивнул на узкие двери вокзала, где минутой ранее застрял толстяк с двумя чемоданами. – Ваша помощь пришлась как нельзя кстати. Как вас зовут?

– Томас Рэдклиф, сэр.

Доктор уже открыл рот, чтобы представиться, когда из-за его спины раздалось:

– Ватсон? Неужели это вы, друг мой?!

В трех шагах от доктора стоял худощавый джентльмен в клетчатом пальто. Когда он успел подойти, Том не заметил. Росту в джентльмене было более шести футов, но из-за сухого телосложения он казался выше. Ястребиное лицо, впалые щеки, цепкий оценивающий взгляд из-под козырька охотничьего кепи. На вид джентльмен был примерно одних лет с доктором – то есть, вдвое старше Рэдклифа. Грузчику отчего-то подумалось, что несмотря на возраст и худобу незнакомца, он, Том, не хотел бы встретиться с этим джентльменом на узкой дорожке.

– Как вы здесь оказались, дорогой Ватсон?

На лице доктора отразилось замешательство. Он медленно, с заметным усилием обернулся – так, словно в нем боролись два противоположных чувства: желание поскорее увидеть говорившего – и боязнь разочарования.

– Стреляли, – дрожащим от волнения голосом ответил доктор. – И здесь, и под Лондоном, знаете ли, много стреляли. А где стрельба, там раненые. Я выяснил это еще в Афганистане…

Лицо его внезапно расцвело улыбкой:

– Холмс! Какими судьбами?!

Шагнув навстречу друг другу, двое крепко обнялись: точь-в-точь старые приятели после долгой разлуки. Так оно, видимо, и было. Доктор совершенно не стеснялся своих чувств – кажется, он даже прослезился. Джентльмен в клетчатом пальто выглядел смущенным.

– Я вижу, Ватсон, ваша жена благополучно отбыла во Францию. Рад, искренне рад. Вы же, как и прежде, верный слуга врачебного долга. Полагаю, пациентов у вас было более чем достаточно. Шесть дней каторги, а? Теперь у вас появилось свободное время, и это очень, очень кстати. В экипаже, который ожидает вас на площади, найдутся два свободных места?

– Как раз два места… Холмс! – доктор расхохотался. – Вы в своем репертуаре! Как вы узнали, что я отправил жену через Ла-Манш? Что исполнял врачебный долг? И наконец, как вы вычислили срок в шесть дней?!

Бледное лицо Холмса осветилось мимолетной улыбкой:

– У нас мало времени. Но так уж и быть, я удовлетворю ваше любопытство – в память о славных деньках на Бейкер-стрит. Вы сказали, что стреляли не только здесь, но и под Лондоном. Марсиане вплотную подошли к Лондону десять дней назад. Значит, именно тогда, услышав канонаду, вы и приняли решение покинуть столицу. Сами вы, мой храбрый Ватсон, не стали бы спасаться бегством. Вы беспокоились за свою супругу. Сомневаюсь, что вашей конечной целью был Молдон, но этот городишко стоит на берегу моря. Понимая всю степень опасности, вы хотели отправиться на континент. Здравое решение, одобряю. Поскольку вы не выглядите подавленным, обеспокоенным или убитым горем, я делаю вывод, что ваша жена благополучно отплыла во Францию, и вы за нее спокойны. Вы же в последний момент передумали, или вам не нашлось места на корабле.

– В шлюпке.

– Ну да, конечно же, в шлюпке! Здешние отмели не позволяют судам подойти близко к берегу. Спасибо за уточнение, мой друг. Карман вашего плаща оторван, на лацкане – пятна засохшей крови. Полагаю, в давке, сажая жену в шлюпку, вы разбили кому-то нос…

– Холмс! Может, нос разбили мне?

– Сомнительно. Ваш замечательный нос не носит следов чужих кулаков. Итак, чтобы добраться из Лондона до Молдона и посадить жену на корабль, вам потребовалось минимум три дня, а скорее, четыре – при нынешнем-то хаосе и неразберихе. Я сам добирался сюда из Суссекса четверо суток, при том, что в дороге мне сказочно везло! Десять минус четыре – вы здесь шесть дней. И, разумеется, вы не сидели без дела. Вы ведь врач, и не просто врач – военный хирург. После нападения марсиан на Молдон ваши навыки пришлись кстати. Вы выглядите утомленным – нездоровый цвет лица, круги под глазами, еще ряд признаков, которые я не стану перечислять, чтобы сэкономить время. Спасая раненых, вы спали урывками, по три-четыре часа в сутки. Но сегодня вы

отправили наиболее тяжелых пациентов в Челмсфорд – поезд вот-вот тронется.

Доктор развел руками. Казалось, он чувствует вину за то, что раненые уезжают в Челмсфорд. Дрогнули пышные усы:

– Челмсфордский госпиталь Святого Иоанна куда вместительней и лучше оборудован, чем госпиталь Святого Петра в Молдоне. Там работают хорошие врачи. Действительно, послушать вас, Холмс, и все становится вполне очевидным. Но что насчет экипажа, который ждет меня на площади?

– Запах, Ватсон. Привокзальную площадь и санитарные фургоны на ней я увидел из окна поезда. Если бы вы ехали в одном из них, ваша одежда успела бы пропитаться запахами медикаментов и карболки, а также гнойными миазмами. Я этого не ощущаю. Значит, вы приехали в отдельном экипаже, что естественно для врача, сопровождающего обоз из лазарета. Поскольку в Челмсфорд вы не едете, экипаж должен ждать вас на площади. И предвосхищая ваш следующий вопрос: еще одно место – для этого молодого человека.

Рэдклиф на всякий случай оглянулся, но рядом никого не было. Без сомнения, клетчатый джентльмен имел в виду его, Тома.

– Простите, сэр, – счел он нужным уточнить. – Это вы обо мне?

– Да, именно о вас. Томас Рэдклиф, живете в Молдоне, работаете грузчиком здесь, на станции.

– Откуда, черт побери…

– На вас форменная куртка, и я слышал, как вы представлялись моему другу, доктору Ватсону. Нам потребуется ваша помощь.

Том хотел спросить: «Какая, сэр?». Но тут вмешался доктор:

– Холмс, я несказанно рад видеть вас. Разумеется, я помогу вам, чем только смогу. Но здесь у меня пациенты, и я нужен…

– Кроме вас, в Молдоне есть врачи?

– Доктор Хокинс и его помощник, молодой Крисби. И еще мой коллега, военный хирург Мак-Кормак…

– Теперь, когда самых тяжелых пациентов примет Челмсфорд, они справятся без вас?

Доктор задумался:

– Пожалуй, да. Но…

– Вот и отлично! – тоном, не терпящим возражений, воскликнул Холмс. – Мой дорогой друг, вы нужны мне! Скажу больше: вы нужны Англии!

Повернувшись к Томасу Рэдклифу, он закончил:

– К вам, молодой человек, это тоже относится.

2. О чем говорят джентльмены

Рассказ доктора Ватсона

Первые орудийные раскаты я услыхал вечером в воскресенье. Было около половины десятого. В свете газовых фонарей по улицам двигались толпы народа, слишком густые даже для вечера выходного дня. Люди казались взволнованными, чтобы не сказать, экзальтированными. Воздух был наэлектризован, как перед грозой. Я распахнул окно и прислушался, но за гомоном толпы было трудно разобрать, откуда доносится канонада. Моя супруга подошла и встала у окна рядом со мной.

– Гром? – спросила она, когда долетел очередной раскат. – Где же молния?

Вполне простительное заблуждение – моя жена раньше не слышала орудийной пальбы. Но тот, кто побывал на войне, ни за что не спутает гром канонады с

громом небесным. Я уверился, что стрельба доносится со стороны Кингстона. Это означало, что марсиане уже близко. Удержит ли их наша артиллерия? В любом случае, я не мог подвергать опасности дорогое мне существо.

– Это пушки, – сказал я. – Пожалуйста, собери вещи. Мы уезжаем.

Видимо, в моем голосе звучала столь явная тревога, что жена не стала ни о чем спрашивать и собралась очень быстро для женщины. Лондонцы еще не вполне осознали нависшую над городом угрозу, и я пусть не сразу, но все же сумел поймать кэб, который доставил нас к вокзалу Ливерпуль Стрит Стейшн.

Здесь творилось настоящее вавилонское столпотворение. С колоссальным трудом, достойным титана, мне удалось взять два билета на утренний поезд до Челмсфорда. Вагон буквально брали штурмом, и мне даже довелось пустить в ход свою тяжелую трость, дабы вразумить одного мерзавца, вздумавшего распускать руки. В итоге мы с супругой заняли места в тесном вагоне второго класса. Канонада слышалась все ближе. Двери вагонов закрыли. Отчаявшиеся люди цеплялись за поручни, пытались взобраться на крышу. С небывалым опозданием на четверть часа поезд тронулся, унося нас прочь из обреченного Лондона.

Похоже, машинист и сам спешил убраться как можно дальше – наш поезд не остановился ни на одной из промежуточных станций. На подъездах к Чиппинг Онгар состав вдруг резко затормозил: раздался отчаянный визг и скрежет колес, кое-кто из пассажиров упал на пол. К счастью, до крушения дело не дошло; вернее, не дошло в нашем случае. Впереди громоздились опрокинувшиеся вагоны поезда, следовавшего перед нами.

Дальше мы были вынуждены идти пешком.

Дорогу запрудила несметная толпа беженцев. Это людское месиво представляло серьезную опасность: я видел, как толпа насмерть затоптала упавшую женщину. Ее крик до сих пор стоит у меня в ушах. Увы, я ничем не мог ей помочь. В итоге мы с женой свернули на проселок. До Челмсфорда от Чиппинг Онгар не так уж и далеко, однако мы заплутали, и нам пришлось ночевать в покинутой сторожке на опушке какого-то леса. В Челмсфорд мы добрались лишь к следующему вечеру.

Еще в Лондоне мы решили, что отправимся на континент, во Францию. Ближайшей гаванью был Молдон, и в городе говорили, что на рейде Вайрли Ченнел скопилась армада кораблей, отбывающих на материк. К сожалению, нанять повозку до Молдона оказалось невозможно ни за какие деньги. Заплатив втридорога за более чем скромную комнату, я оставил жену отдыхать и приходить в себя – и потратил напрасно целый день, пытаясь сговориться с возницами. Осознав тщетность своих усилий, усталый и злой, я вернулся в снятое жилье.

Наутро моя жена решительно завила, что достаточно отдохнула и готова проделать путь до Молдона пешком. Мы вышли около девяти утра. В дороге нам наконец повезло: какие-то добрые люди позволили моей жене проехать последние несколько миль на телеге, груженой нехитрым скарбом. Я шел рядом, держась за борт телеги, благо та ехала медленно.

До Молдона мы добрались под вечер и с утра отправились на берег залива. Судов на рейде было великое множество. Свежий морской бриз, теплое июньское солнце и близость избавления придали нам сил. Желающих покинуть Англию оказалось столько, что я сумел посадить жену в шлюпку лишь к четырем пополудни. Матрос на корме протянул ей руку, но тут отвратительный верзила с красным испитым лицом, оттолкнув меня и едва не сбросив в воду мою дорогую супругу, попытался запрыгнуть в шлюпку вопреки всем правилам хорошего тона. Этот негодяй весил не менее двухсот фунтов и росту имел больше шести футов. Но я был в ярости и, ухватив его за плечо, развернул к себе и с такой силой ударил в лицо, что мерзавец рухнул в воду спиной вперед. При этом я разбил ему нос, и брызги крови запачкали мой плащ.

На пристани началась толчея. Опасаясь, что люди станут прыгать в лодку и перевернут ее, матросы поспешили отвести шлюпку от причала. К счастью, моя жена была уже в безопасности.

– Кале! Жди меня в Кале! – крикнул я ей с пристани.

Потом я выбрался из толпы, взошел на ближайший пригорок и оттуда следил, как шлюпка подходит к «Утренней Звезде», как пассажиры поднимаются на борт…

* * *

– Вы совершенно не умеете врать, дорогой Ватсон…

Поставив между ног трость с набалдашником из слоновой кости, Холмс сложил на ней руки и умостил подбородок поверх ладоней. В этой позе, покачиваясь от тряски, он еще больше напоминал хищную птицу.

– Что вы хотите сказать, Холмс? – возмутился доктор.

– Я хочу сказать, что вы и не собирались отплывать во Францию. Судя по тому, как оттопыривается ваш внутренний карман, у вас при себе револьвер. Достань вы оружие, и никакой мерзавец не задержал бы вас надолго. Да и матросы, услышав пару выстрелов в воздух, с готовностью задержали бы отплытие шлюпки. Когда вы стремитесь куда-то на самом деле, друг мой, вас не остановить даже при помощи роты гвардейцев. Уж я-то знаю ваш характер! Жена в безопасности, и доктор Ватсон, ветеран афганской войны, вздохнув с облегчением, готов сражаться до последнего… Ну сознайтесь, что драка на берегу – всего лишь предлог остаться в Англии!

– Вы несносны, Холмс! Я не желаю обсуждать эту тему.

– Я тоже буду рад сменить тему. Не хотите ли услышать, что привело меня в Молдон? Вряд ли мой рассказ будет столь увлекателен, как ваш, но и он заслуживает внимания…

Рассказ Шерлока Холмса

Это лето я намеревался провести в Суссексе, на берегу моря, где, как вы знаете, у меня имеется небольшой, но весьма уютный дом с пасекой. Компанию мне вызвалась составить наша добрая квартирная хозяйка миссис Хадсон. Племянница убедила ее, что морской воздух исключительно полезен для здоровья, и я с радостью пригласил миссис Хадсон в Суссекс.

Известия о высадке марсиан в Сэррее дошли до нас с опозданием – по понятной причине. Вначале я счел сообщения, напечатанные в привезенных из Чичестера газетах, сущим вздором, и даже посмеялся над тем, что поистине фантастическую чушь печатают на полном серьезе. Я ожидал скорого

опровержения и извинений редакции, однако следующие выпуски становились все более тревожными. Я уверился, что если газеты и преувеличивают опасность, то в самом факте высадки марсиан и начале боевых действий сомневаться не приходится. Временами с северо-запада долетали едва слышные звуки канонады, а в одну из ночей я увидел зеленую светящуюся полосу в небе, похожую на след метеора. Она выглядела именно так, как ее описывали репортеры.

В газетах писали о боевых треножниках марсиан и о том, что противник уже подступил к Лондону. Миссис Хадсон не на шутку встревожилась. Она хотела вернуться в Лондон, грудью встав на защиту родины – главным образом, квартиры на Бейкер-стрит – но я убедил ее остаться в Суссексе. Здесь, на юге Англии, было относительно безопасно. Марсиане из Сэррея двигались на столицу, в прямо противоположную от нас сторону.

Потом газеты перестали приходить.

Не имея никаких достоверных сведений о происходящем, я потерял сон. Я тяготился бездействием и неизвестностью. Понимая, что над моей страной, а возможно, и над всем миром нависла страшная угроза, я не мог ни оценить масштабы бедствия, ни что-либо предпринять.

Телеграмма из Бирмингема, доставленная нарочным из Чичистера, явилась для меня настоящим спасением. Телеграф, как вы понимаете, на мою ферму еще не провели, но, думаю, Майкрофт вскоре позаботится, чтобы это досадное упущение было исправлено. Главное, я наконец получил возможность применить мой изнывающий от безделья ум и принести пользу Англии. Оставив миссис Хадсон на хозяйстве до своего возвращения, я без промедления выехал в Бёрджесс-Хилл, одолжив у соседа двуколку с лошадью. Люди в городе были взволнованы, но такого хаоса и паники, какие я позже видел в окрестностях Лондона, в Бёрджесс-Хилле не наблюдалось. Надо сказать, что я хорошо знаком с сетью английских железных дорог, а расписания поездов на некоторых направлениях помню наизусть. Неразбериха военного времени внесла коррективы в ситуацию, но знания эти мне весьма пригодились.

В Бёрджесс-Хилле я сел на вечерний поезд до Мейдстона, что в графстве Кент. Судя по ряду признаков – в первую очередь, по отсутствию газет – марсиане уже захватили Лондон, и я намеревался обогнуть его с востока, вдоль побережья. Мой вагон был почти пуст – все стремились уехать подальше от Лондона, на юг,

чтобы в случае приближения марсиан отплыть на материк из Дувра, Ньюхейвена или Портсмута.

В Мейдстоне было заметно тревожнее. Поезда ходили с перебоями, никто не знал графика отправления. Потеряв шесть часов, я ухитрился сесть в военный эшелон, который вез солдат и пару батарей двенадцатифунтовых орудий в Грейвсенд. Командовавший солдатами майор не хотел пускать меня в поезд, но вы же знаете, друг мой, насколько я могу быть убедительным.

В Грейвсенд мы прибыли затемно. Пришлось ждать утра, чтобы переправиться на пароме через Темзу в Тилбери. Ночью в стороне Лондона и севернее что-то сверкало, вспыхивало, небеса озарялись то багровым, то зеленоватым заревом. Утром, стоя на пароме, я видел вдалеке, за Ромфордом, черные расползающиеся кляксы – несомненно, это клубились облака ядовитого газа, о которых я был наслышан.

В Тилбери я едва успел на единственный поезд до Челмсфорда – других в ближайшие дни не предвиделось. Поезд едва полз вдоль побережья, подолгу задерживаясь на крошечных станциях, где не должен был даже останавливаться. Лишь на одной из них в соседний вагон сел отставной флотский сержант с супругой. На остальных никто так и не появился. Казалось, вся округа вымерла. Наблюдая далекое зарево, со скорбью видя проплывающие мимо картины упадка и запустения, я пришел к выводу, что на всем пути мне просто фантастически везет. Задержки, ожидание? Вздор! В сложившейся обстановке поезда? вообще не должны были ходить на этом направлении. А спешно доставленная телеграмма? При том, что многие телеграфные линии южнее Лондона наверняка были повреждены в ходе боевых действий?

Благоприятное стечение обстоятельств, скажете вы. Быть может. Меня ни в коей мере не удовлетворяет подобное объяснение, но я не привык строить догадки на пустом месте. А фактов для серьезных умозаключений у меня не хватало. Их, кстати, недостает и сейчас.

Но я отвлекся. Крайне медленно, но без приключений наш поезд добрался до Челмсфорда, где мне пришлось заночевать. И вот, сегодня я прибыл в место своего назначения – Молдон – утренним поездом.

* * *

– Все это замечательно, Холмс, но вы не рассказали о самом интересном! Телеграмма! Телеграмма из Бирмингема! Что за важное дело государственной важности привело вас сюда?

– Ах да, телеграмма!

Холмс сделал вид, что лишь сейчас о ней вспомнил, хотя даже Тому было ясно, что он нарочно приберег самое интересное под конец рассказа.

– Как вы наверняка знаете, дорогой Ватсон, правительство, а также ряд министерств и государственных ведомств были эвакуированы из Лондона в Бирмингем. Телеграмму отправил мой брат Майкрофт. Он занимает достаточно высокий пост в Министерстве Иностранных Дел, к нему прислушиваются многие, включая господ из Директората военной разведки. Вот эта телеграмма, читайте. Можно вслух – вряд ли здесь сыщутся марсианские шпионы. Учитывая кошмарный облик этих существ, я не нахожу достойных средств маскировки.

Холмс протянул доктору листок бумаги, сложенный вчетверо.

– «Мистеру Шерлоку Холмсу, срочно, – прочел доктор вслух. – Молдон, Эссекс. Выяснить все обстоятельства уничтожения марсиан. Ключ – девочка-сирота. Страница из книги. Необходимо отыскать. Дело национальной важности.» И вы поняли, о чем пишет ваш брат? Лично я в затруднении.

– Ну разумеется! Майкрофт не любит тратить слова понапрасну, но все необходимое он мне сообщил.

Доктор, кажется, хотел спросить еще что-то, но тут Том не утерпел.

– Девочка! – воскликнул он, оборачиваясь к сидящим сзади джентльменам. – Малышка Дженни! Так вы из-за нее приехали, сэр?!

3. Господь, он все видит!

– Дженни, – повторил Том. – Ее зовут Дженни.

Он удивлялся самому себе. Без приглашения вмешаться в беседу двух джентльменов, один из которых был настоящим доктором из Лондона, а второй наводил на Тома оторопь своим умением видеть всех насквозь, чище гадалки – это был из ряда вон выходящий поступок. Можно сказать, подвиг.

– Дженни Лиггинс. Наверное, Лиггинс.

– Наверное? – заинтересовался Холмс. – Вы знаете имя, но не знаете фамилию девочки?

Вся расслабленность Холмса разом сгинула. В одно мгновение он преобразился, напомнив Тому породистую гончую, взявшую след.

– Что я говорил вам, Ватсон, – Холмс обращался к доктору, но взгляд его намертво вцепился в грузчика. Ощущение было такое, словно Том вдруг стал стеклянным. – Мое везение продолжается! Мне это не нравится, но, тем не менее, я им воспользуюсь. Так что насчет фамилии, молодой человек?

– Лиггинсы, – разъяснил Том, говоря медленно и внятно, как с ребенком, – не родители Дженни. Ее папа с мамой погибли. А девочку прислали в Молдон, к тете и дяде. Тетя и дядя тоже погибли, когда марсиане жгли Молдон. Это правда, сэр.

– Если отец девочки, – Холмс размышлял вслух, – родной брат мистера Лиггинса, значит, девочка тоже носит эту фамилию. Если же отец девочки – брат миссис Лиггинс, или Лиггинсам родней доводится мать девочки, фамилия может оказаться иной. Вы случайно не в курсе их родства?

Том развел руками:

– Увы, сэр. Это мне неизвестно.

– Благодарю, – Холмс кивнул без тени иронии. – Вы мне очень помогли, молодой человек. Я в вас не ошибся. Значит, Дженни?

И тут, обнадеженный приветливым тоном, Том задал главный вопрос в своей жизни, тот вопрос, который мучил его от самого вокзала:

– Вы из полиции, мистер Холмс? Вы сыщик?

– Нет.

– Кто же вы, сэр?

– Я – пасечник. Скромный пасечник из Суссекса.

– Пасечник?

– Не верите? Ватсон, подтвердите.

– Пасечник, – согласился доктор, пряча улыбку в усы. Откинувшись на спинку сидения, Ватсон наслаждался поездкой. Впервые за последние дни ему было спокойно. Вопреки обстоятельствам, доктор чувствовал себя в безопасности, и встреча с Холмсом играла в этом не последнюю роль. – Я написал десятка три рассказов о его пчелах и ульях. Лестрейд, лучший инспектор Скотланд-Ярда, мог бы это подтвердить, окажись он здесь.

Том заподозрил, что над ним издеваются. Пасечник, о котором доктора пишут рассказы? Пасечник, знакомый с инспекторами Скотланд-Ярда? Адресат телеграмм из Министерства Иностранных Дел?! Все известные Тому пасечники жили совершенно другой жизнью. Поразмыслив, Рэдклиф решил не упорствовать. Обычно, когда он упрямо добивался честного ответа на поставленный вопрос, дело кончалось либо дракой, либо тем, что грузчика изгоняли из компании. Сейчас Тому не хотелось ни первого, ни второго.

– Вернемся к племяннице Лиггинсов, – похоже, мистер Холмс нимало не интересовался чувствами грузчика Рэдклифа. – Когда ее привезли в Молдон?

– Не помню, – пожал плечами Том. – Десять дней назад? Нет, кажется, две недели…

Бричку тряхнуло, он едва не прикусил язык.

– Хорошо. Вы знаете ее родителей?

– Откуда?

– Родственников? Лиггинсы – ваши земляки…

– Ну конечно! – Том слегка обиделся. – Я отлично знаю мистера и миссис Лиггинс.

– Мистер Лиггинс служит? Работает? У него свое дело?

– Мистер Лиггинс…

Том задумался. У него совершенно вылетело из головы, чем занимается мистер Лиггинс.

– У него капитал. Небольшой, в Лондоне. Он живет на ренту. Точно не скажу, но я слышал про капитал в трактире старика Кюсберри. Парни еще спорили, сколько фунтов у мистера Лиггинса на счету. Миссис Лиггинс – домохозяйка. Она редко выходила из дому. Такая маленькая женщина…

– А мистер Лиггинс? Вы можете описать его внешность?

– Большой такой. Вроде меня.

– Усы? Бакенбарды? Хромота?

Том молчал.

– Толстый? Тощий? Сутулый?

– Толстый…

– Полно, молодой человек, – добродушно махнул рукой Холмс. – Не расстраивайтесь. Если бы вы знали, как мало могут рассказать очевидцы… Вы видели схватку марсиан с миноносцем?

– Да, с колокольни.

– Не поделитесь ли? Мне очень интересно.

После конфуза с Лиггинсами Том был искренне рад оказаться полезным мистеру Холмсу. «Сын грома», треножники, артиллерийские батареи – он сыпал словами, не слишком заботясь о связности рассказа. Пожары, молния с ясного неба, светящееся яйцо – поражение марсиан в изложении Рэдклифа обретало черты поистине эпические. Добравшись до описания руин жилища Лиггинсов, Том умолк, тяжело переводя дух. Шея затекла: говорить через плечо, обернувшись к слушателям, оказалось труднее, чем разгрузить десяток подвод с ячменем.

Холмс кивал в такт своим мыслям.

– Как я понимаю, – спросил он, – вы забрали Дженни?

– Да.

– К себе?

– Что вы, сэр! Разве хибара грузчика – место для маленькой девочки? Да и неприлично это. Я отнес Дженни к викарию Симпсону. Он к этому времени уже выбрался из подвала.

– И он согласился взять девочку на попечение?

– Не сразу. Но тут вмешалась вдова Пристли, его экономка. «Будь я проклята, – сказала вдова, – если позволю выгнать на улицу бедную сиротку. А вам, ваше преподобие, должно быть стыдно! Господь, он все видит!» Викарию стало стыдно, и он ушел в кабинет. А экономка повела Дженни умываться… Да вот и его дом!

– Преподобного Симпсона?

– Так точно, сэр!

Ворота, за которыми начиналась мощеная дорожка, ведущая к дому священника, были заперты. Вид эти ворота, собранные из буковых досок, потемневших от времени, имели скорее декоративный. Хороший пинок распахнул бы их без труда. Декоративность подтверждалась и калиткой, расположенной рядом – встроенная в кирпичную арку, калитка, похоже, не закрывалась никогда. Над ней по своду густо вился дикий виноград. За калиткой начинался крохотный садик, где под яблонями ждал гостей дощатый стол в окружении грубо сколоченных стульев. Сам дом – аккуратное двухэтажное здание – был рыжего цвета, с оконными рамами и входными дверьми, выкрашенными белой краской. На лужайке перед домом гуляли куры: три пеструшки и одна рыжая, в тон стенам.

Мирная обстановка противоречила общей картине погрома, устроенного марсианами в Молдоне. Господь ли снизошел к верному слуге, случай ли оказался благосклонен к трусоватому викарию, но дом Симпсона ничуть не пострадал.

– Тпру! – заорал возница.

За все время это был единственный его вклад в беседу.

– Почему мы останавливаемся? – удивился доктор.

– Мистер Холмс, – вместо возницы разъяснил Том, – приехал из-за девочки. Конечно же, он захочет познакомиться с бедняжкой Дженни. Такой джентльмен, как мистер Холмс, наверняка любит детей. Он не причинит зла маленькой девочке.

– Разумеется, любит, – начал было доктор со странным выражением лица. – В особенности, лондонских беспризорников…

Но Холмс не дал ему закончить:

– В другой раз, Том. Сейчас у меня совсем другие планы.

Интермедия

Добро пожаловать, мистер Холмс!

– Идем, псидонист. Чайку заварим…

Я покорно дал Серафиме Петровне вытащить меня на кухню. Сопротивление больше не имело смысла. Нюх подсказывал: старуха теперь на нашей стороне. Да и во мне Тюня пока что не нуждалась.

– Я тут посижу, за столом. Ладно?

– Сиди, чего там…

Глядя вполглаза, как бабка ставит на конфорку музейный раритет – древний чайник со свистком – я играл с планшетом. В доме был беспарольный вай-фай, связь летала птичкой.

– Тысяча девятьсот, – сказал я.

– Что?

– Тысяча, говорю, девятисотый год.

– Не-а, – хохотнула бабка, засыпая в заварник горсть «черных индусов». – Обижаешь, псидонист. Я помладше буду. Тридцать восьмого годика, аккурат перед войной.

– Я не про вас, Серафима Петровна.

– Фимой зови. Бабой Фимой. Все так зовут.

Внезапная ласковость старухи пугала. Может, я и впрямь меньшинство?

– Я, баба Фима, не про вас. Уэллс, «Война миров». Книжка вашей Нюры. Впервые издана в феврале тысяча восемьсот девяносто восьмого года. Издательство «Heinemann». Это если не считать журнальной публикации в «Pearson’s

magazine», на год раньше.

– Ишь ты! – пригорюнясь, старуха встала у окна: ждала, пока чайник закипит. – Дядька мой, Борька-рыжий, девяносто восьмого. На войне миров убитый, под Ржевом. Земля ему пухом, алкоголику! Давняя, значит, книжка. А девятисотый при чем?

– Действие книги разворачивается в тысячу девятисотом, в Англии. Уэллс вспоминает великое противостояние Марса и Земли. Вот: «Гроза разразилась над нами шесть лет назад. Когда Марс приблизился к противостоянию…» И пишет, что было это противостояние в тысячу восемьсот девяносто четвертом. Плюс шесть лет – сами можете посчитать.

– Умный, – восхитилась баба Фима. – Девяносто четыре плюс шесть… Точно! Твоему Элсу в школу бы, арифметику читать. Или гастрономию.

– Астрономию не надо. Ошибся он, на два года ошибся. Великое противостояние Марса и Земли на самом деле было в тысячу восемьсот девяносто втором. И значит…

– Вот же зараза! Детей дурит, капиталист!

– Дурит, баба Фима. И мы это запомним: формально девятисотый, неформально – девяносто восьмой. Пригодится…

– Я не запомню. У меня склероз.

– Вам и не надо.

– Из-за этого у Нюрки ум за разум зашел? Ах он, гад…

– Нет, не из-за этого. Это ерунда, обычные литераторские вольности. Тогда на такое смотрели сквозь пальцы.

Я не стал объяснять старухе, что авторская накладка, создающая разброс по времени действия, дает и мне шанс на некоторую вольность в подборе оптимальной «прописки». Тут главное: дождаться Тюни, ее выводов по точке

взлома. Впрочем, я уже видел стратегию решения. Загвоздка была в мелочах. Значит, тысяча девятисотый? Время есть. Выясним взлом – локализуем место…

– Пробки вывернуть, – вдруг сказала баба Фима. Глазки ее зажглись жаждой деятельности. – А? Пробки вывернуть, и дело с концом.

Старуха помолодела лет на двадцать.

– Пробки?

– У нас автоматы стоят, на счетчике. И крутить ничего не надо: дернул хлястик – и готово. Сейчас, я свечку зажгу. В темноте худо без свечки.

– Зачем пробки?

– Затем, что электричество. Электричество отрубим, каска и выключится. Заберешь ее в вашу контору, и чини на здоровье! Хоть совсем доломай. Я убираться наладилась, а тут вы… Держи свечку. С нее капает, не обожгись.

– Стойте! Нельзя электричество!

– Ты на меня не ори, псидонист. Молод еще.

– Баба Фима, я вас умоляю! Нам надо корректно завершить программу. Вы даже не представляете, насколько там все сложно! Аварийное отключение может повредить Анне Игоревне…

– Голова болеть будет?

– И голова тоже.

– Намудрили, ироды. Ладно, гаси свечку. Вот, весь пол мне заляпал…

Чайник засвистел так, что я аж подпрыгнул. Кипяток струей пролился в заварник. По хмурому лицу старухи было видно, что ей жаль прощаться с электрической идеей. Я подыгрывал, изображая озабоченность. И молил ангела-

хранителя, чтобы бабе Фиме не пришло на ум «дернуть хлястик» втихую, когда мы с Тюней будем заняты «пропиской». Отрубись электричество – дура-Нюрка встанет, как новенькая, и даже без головной боли. Поди объясни бойцовой бабке, что последствия аварийки сказываются не сразу! Жалобами замучает, шеф с меня три шкуры сдерет.

– И еще, – сказал я. – Серафима Петровна, можно без «псидониста»?

– Ага, – согласилась старуха. – Если без Серафимы Петровны. Лады?

– Лады.

– Снегирь! Лети сюда!

– Твоя зовет, – уважительно кивнула баба Фима. – Молодая, а строгая. Иди, а то дырку в башке проест. Я бы на ее месте точно проела. От темечка до пупа.

– Давайте поднос, чай отнесу.

– С чаем я сама…

* * *

– Сволочи! Ворюги проклятые!

– Придержи язык. Не дома…

– Нет, ну какие сволочи…

Тюня бесилась. Тюня не стеснялась в выражениях. Пальцы ее скрючились, когтями тигрицы нависнув над клавиатурой. Будь у Тюни возможность, она бы вцепилась в рожу таинственным сволочам. Это ее состояние я называл «тюнингом» – шепотом, ибо хотел дожить до старости. Контрапунктом Тюниному бешенству на диване безмятежно возлежала девица Анна Игоревна, павший рыцарь в шлеме. Будь моя воля, я бы таких порол, не приводя в сознание.

– Нашла?

– Ну!

– Что?!

– Сам читай…

Из принтера, мирно дремлющего у монитора, выполз лист распечатки. Я отметил, что в лоток подачи была загружена пачка бумаги страниц на двести. Чувствовалось, что Нюрка заранее подготовилась к чтению, и что в ее версии «Вербалайфа» имелся графический редактор. Простенький, черно-белый, дающий на выходе графику типа книжных иллюстраций – не Бердслей, и уж тем паче не Дюрер. Коллаж на основе лицензионного материала, плюс легкая импровизация. Редакторы подороже создавали картинки цветные, объемные, выводя их на монитор. Совсем дорогие, из свежих, работали с анимацией: ролики до трех минут.

Ладно, иллюстрации – потом. Сперва – точка взлома.

«…Над домом, горящим на Оук Клоуз, медленно поднялось в воздух призрачно мерцающее сияние. Внутри него угадывалась человеческая фигурка. Темный силуэт был заключен в эфирный кокон, а может, яйцо, по поверхности которого то и дело пробегали опалесцирующие волны. От кокона исходил жемчужный свет, возвращая зловещему вечеру яркие краски солнечного дня, когда еще ничто не предвещало…»

– Знакомая фигня, – я почесал в затылке. – Где я ее видел?

– Где? – взбеленилась Тюня. – Это же я!

– Ты? Яйцо, что ли?

– Сам ты яйцо! – краем глаза я засек, как с пониманием скалится баба Фима, встав в дверях с подносом наизготовку. – Это моя книга! «Таира Алая:

возвращение», третий том серии. Эпизод с ведьмачкой Джессикой, уничтожение ледяных гигантов. Взяли, испоганили мой фрагмент, переписали под ломку для Уэллса…

«…возмездие настигло пришельцев у опушки Паснидж-вуд. Фигурка в коконе всплеснула руками – и перед беглецами взметнулась ослепительная бело-голубая стена высотой не менее двухсот футов. Лес огонь не затронул, но бронированные колоссы сгорели в мгновение ока, как мотыльки в пламени свечи…»

Я еще раз перечитал сцену с фигуркой-из-машины, лупящей марсиан в хвост и в гриву. Ситуация прояснялась. Так вот ты чего хотела, Анна Игоревна, коленки твои белые, костлявые…

– Микс, – ледяным тоном сообщила Тюня. – Марсиане против магии. Точка взлома: бой «Сына грома» с треножниками. Способ взлома: привлечение эпизода из книги Анастасии Недерезы «Таира Алая: возвращение», переделанного в соответствующем ключе. «Ломка» внедрила магический эпизод в ткань основного научно-фантастического повествования. И что мы имеем в итоге? Программа зависла, охренев.

– Тюня!

В дверях стояла бабка с подносом. Чайник, чашки, сахарница. Сверху – круглые глаза. Бабу Фиму, вне сомнений, шокировал Тюнин лексикон.

– Извините, Серафима Петровна, – сдала назад моя Недереза. – Нервы. Сейчас программа старается вывернуть на магистраль «Войны миров», ликвидировав противоречия. Я не знаю, какой материал привлекается для сохранения достоверности, но с хронотопом взлома все ясно. Снегирь, твое мнение?

– А что, у нас есть варианты? Будем стабилизировать.

– Чем?

– Кем, детка. Тысяча девятисотый год, Молдон. Восточная Англия, графство Эссекс. Эссекс-Суссекс; префикс-суффикс… Это же элементарно, Тюня! Пусти-ка старика Снегиря к машине…

Прежде чем начать работу с текстом, я взял из принтера иллюстрации. Ага, эту знаю. Миноносец прёт вперед на всех парах. Монохром, тучи над речкою встали. Лишь в волнах пробивает желтизна, отчего волны напоминают кучи грязного песка. На пути у миноносца – марсианин в треножнике. Кренится назад, сейчас упадет. Колпак похож на голову дауна с выпуклым, набрякшим лбом. Глаз-иллюминатор выпучен от изумления. Взмах щупальцами положения дел не спасает – равновесие утеряно, пришелец обречен. В правом нижнем углу – подпись художника, вписанная в эскизный набросок лодки. Нижний край украшала строка: «Correa. Martians vs. Thunder Child. 1906».

– Марсианин, – вслух перевела образованная Тюня. – Против «Сына грома».

И наклонилась ко мне:

– Кто такой Кориа? Теннисист?

– Художник. Иллюстратор «Войны миров». Ага, вот еще…

Фотография, отметил я. Старинная. Вокзал в Молдоне. Цепь арок несет на себе галерею. Выше – две кирпичные надстройки с куполами, похожими на церковные. В каждом куполе – узкое вертикальное окно-прорезь типа бойницы. На привокзальной площади – экипажи, запряженные лошадьми. Несколько приличных господ: в котелках, с саквояжами. Один сильно смахивает на Чарли Чаплина. Отложив вокзал, я взял следующую страницу. Ага, вот и современная графика. Сияющее яйцо зависло над руинами. Сквозь полупрозрачную скорлупу виден силуэт человека. Судя по очертаниям, девочка. Вокруг бьют молнии; непонятно, то ли разряды отгоняют врагов, то ли они и разрушили дом.

– Семякин, – Тюня ткнула в иллюстрацию пальцем. – Сашка Семякин, графика к переизданию «Возвращения». Джессика мочит ледяных гигантов.

– Где гиганты? – поинтересовался я.

– Они же гиганты, – Тюня пожала плечами. – Не влезли.

Я открыл административный вход. В голове мало-помалу складывались контуры текстового «живца». Главной проблемой была не стилизация – тут многого не требовалось. Иногда я жалел, что моему таланту не дают развернуться. Иногда радовался – уж я бы развернулся… Чертям бы тошно стало! Главным фактором являлась степень свободы, какую я закладывал системе для привлечения материала. Тут требовалась ловкость жонглера, работающего с дюжиной колец.

– Марсианец, – вмешалась баба Фима, сгружая поднос на стол. – Кораблем их давить, марсианцев! Все беды от них, жидомасонов проклятых! Поналезли с Марса…

Логика бабки восхищала.

Сосредоточившись, я начал печатать.

«…Ватсон? Неужели это вы, друг мой?!

В трех шагах от доктора стоял худощавый джентльмен в клетчатом пальто. Когда он успел подойти, Том не заметил. Росту в джентльмене было более шести футов, но из-за сухого телосложения он казался выше. Ястребиное лицо, впалые щеки, цепкий оценивающий взгляд из-под козырька охотничьего кепи. На вид джентльмен был примерно одних лет с доктором…»

Принтер зажужжал. Свежая распечатка была дублем: молдонский вокзал. Арки, галерея; экипажи-саквояжи. Хорошо, подумал я. Кажется, заглотила. Опять вокзал. И снова. Принтер как взбесился: вокзал мне выдали семь раз подряд. Когда я уже хотел проверить реакцию программы дополнительным вводом текста, принтер сжалился.

– Солидный мужчина, – оценила баба Фима. Они с Тюней стояли у меня над душой, плечом к плечу. – Цеховик?

– Детектив, – возразил я. – Частный.

– Смелый какой… Вниз смотрит. Я высоты боюсь…

На свеженькой иллюстрации был изображен высокий худощавый джентльмен лет сорока пяти, в двубортном пальто-накидке из клетчатой ткани. Голову джентльмена украшало охотничье кепи, сделанное из того же материала, что и пальто. Скуластое, чисто выбритое лицо; птичий нос, острый подбородок. Встав на левое колено, опершись рукой о край скалистой площадки, джентльмен пристально вглядывался в пропасть. Вдали за ним маячила заснеженная вершина; правее возвышался лесистый склон горы.

– Классная кепка, – оценила Тюня. – Хочу.

– Дирсталкер, – уточнил я.

– Сталкер? – Тюня пришла в восторг. – Знаю! Книжная серия такая была…

– Дирсталкер, бэби. Дирсталкер хэт. Кепи для охоты на оленей.

– А зачем два козырька?

У кепи действительно имелись два козырька, прикрывавшие лоб и затылок, а также «уши» по бокам, в данный момент поднятые вверх. Ленты «ушей» были завязаны элегантным узлом.

– Ну ты даешь, девка! – восхитилась баба Фима. – Тебя бы в огород, по солнцепеку… Не нос обгорит, так затылок напечет. Хорошая шляпа, правильная. Я б себе сшила, да поздно уже. Кончился мой огород…

– Сшила?

Изумлению Тюни не было предела.

– Ага. Я в молодости шляпницей была. Фуражки военным делала…

– Боевая молодость, – я с хрустом потянулся. – Сабельный поход, кронштадтский лед. Милые дамы, помолчите минутку…

Принтер, умница, не подвел. На очередном фото, увековечившем вокзал в Молдоне, прибавилось людей. За местным Чарли Чаплином, вполоборота к зрителю, стоял уже известный нам джентльмен в охотничьем кепи. Не только пальто и головной убор, но и брюки его, заправленные в высокие гетры, были из клетчатого твила, отчего джентльмен сильно напоминал леопарда на охоте. Более четкая фотография превратила бы его в игральную доску, но зернистость кадра размывала клетки в пятна.

– Кепи, – отметил я. – На месте. Это хорошо.

– Почему? – спросила Тюня.

– Потому что Конан Дойль нигде не упоминает, что Шерлок Холмс носил «дирсталкер хэт». Это инициатива Сидни Пэджета, иллюстратора. До него Холмса изображали толстяком с маленькой головой. Представляешь? Жиртрест, и головка с кулачок…

– Бр-р-р! – вскинулась Тюня.

– А чего? – не согласилась баба Фима. – Мужчина без живота, что дом без крыши. На мелкую голову легче шить…

– Кино! – перебила Тюня старуху. – Я в кино такое кепи видела!

– Ага, – я улыбнулся. – С иллюстрации кепка перекочевала в кино. Таким образом мы позволяем программе брать материал не только из литературы, но и из архивов кинематографа. Мало ли, вдруг пригодится… Видишь?

Я продемонстрировал Тюне очередной вокзал с Холмсом. Программа обрабатывала мой ввод, включая его в процесс. Графический редактор отражал текущую компиляцию, позволяя нам хоть частично, а следить за процессом.

– Классическая ошибка. В таком головном уборе охотились. Появиться в городе с охотничьим кепи на голове – нонсенс, несуразица, признак умственной неполноценности. Тем не менее, эту ошибку усердно тиражировали. Я размываю уровень достоверности, дитя мое. Допуски, накладки; рост степеней свободы… Так будет проще выбраться на магистраль «Войны миров». А Холмс – символ.

Создатель непротиворечивых версий. Дедукция спасет мир…

– Снегирь!

Меня расцеловали. А что, приятно.

– Хорош лизаться, – предупредила баба Фима; впрочем, без особой угрозы. – Не при Нюрке. Мало мне книжек в каске…

…а куда денешься, почтеннейшая публика? Ты думаешь, Нюрка первая? Здоровое желание чуда в перьях: прочесть в гиперкнижке, как ужасное дитя крушит магией, краденой у Тюни, треножники марсиан. Спрос рождает предложение, и вот уже целеустремленная Анна Игоревна качает с торрента «ломку». Прошлый наш клиент был оригинальнее, у него Карлсон, баловник с пропеллером, завел на крыше целый БДСМ-гарем! Филле в ошейнике, Рулле с хлыстом, фрекен Бок в черном кожаном белье. К счастью, программа еще на первой стадии зафиксировала «невыполнимое противоречие». Легко отделался, идиот. Вот скажи мне, почтеннейшая публика, отчего у тебя такие удивительные порывы? А я, значит, бегай, спасай…

Бегаю. Спасаю.

Хоть что-то, и на том спасибо. Новых книг я лет десять как не пишу, выгорел. О переизданиях забыл, как они выглядят. Электронные публикации – слезы горькие. А кушать, господа хорошие, хочется три раза в день. Вот, живу по-прежнему литературой, как негр на плантациях. Хотел с горя улететь в Тайланд, учить русских туристов дайвингу. Смущало, что не умею нырять, да и плавать – не очень. С другой стороны, что там нырять – наливай да пей!

Эй, кто-нибудь? Дайте занавес!

Глава третья

Второй марсианский фронт

1. Ваше имя, сэр?

Из записок доктора Ватсона

Мут-Холл, напротив которого остановилась наша бричка, представлял собой старинное трехэтажное здание из красного кирпича, с зубчатой башенкой и звонницей. Сей архитектурный аристократ надменно возвышался над низкорослыми двухэтажными соседями. Широкий балкон второго этажа поддерживали четыре изящные колонны. На балкон выходили два высоченных арочных окна, доходивших до самого пола – по-видимому, они же служили и балконными дверьми. Меж ними красовались большие круглые часы на ажурном изогнутом кронштейне. Часы показывали половину двенадцатого. На балконе под часами курил сигару усатый майор в незнакомой мне форме. У входа в здание дежурили двое: пехотный сержант и констебль. На стене у дверей имелась доска с надписью: «Полицейское управление Молдона».

– Идемте, Ватсон. А вы, Том, подождите нас здесь.

С легкостью, на которой ничуть не сказались минувшие годы, Холмс выпрыгнул из брички. Я последовал за моим другом. Сержант, глядя на нас с подозрением, сдвинулся правее, загораживая вход. Констебль же, напротив, демонстративно отвернулся, делая вид, что происходящее его ни в коей мере не касается.

– Простите, сэр, вам сюда нельзя.

– С каких это пор добропорядочный англичанин не может зайти в городское управление полиции? – очень натурально удивился Холмс.

– Не положено, сэр.

– В таком случае, сержант, – поинтересовался Холмс с вкрадчивостью опытного искусителя, – может быть, вы пропустите нас в молдонское отделение Директората военной разведки? По делу национальной важности?

– Откуда у вас такие сведения, сэр? Это военная тайна!

Брови сержанта сошлись к переносице, а ладонь, как бы невзначай, опустилась на кобуру револьвера.

– Бросьте, дружище! – Холмс рассмеялся. – Вашу военную тайну знает весь город.

Он был абсолютно прав. Едва Холмс сообщил во время задержки у дома викария, что ему нужно в Директорат, как Том, наш новый помощник, немедля отозвался: «Они обосновались в Мут-Холле, сэр. Там, где управление полиции.» А возница во второй раз нарушил обет молчания, уточнив: «Это на Маркет-Хилл. Доедем за четверть часа.» Какие тут секреты, если первые же спрошенные – грузчик и кучер – оказались прекрасно осведомлены, где находится Директорат военной разведки?!

– Ваше имя, сэр?

Подозрения сержанта ничуть не рассеялись, но руку с кобуры он убрал. Мой друг отступил на шаг и слегка тронул пальцем козырек своего охотничьего кепи:

– Холмс. Шерлок Холмс.

Это произвело поистине магическое действие. Сержант вытянулся по стойке «смирно», преданно выкатил глаза и щелкнул каблуками:

– Виноват, сэр! У меня приказ: немедля проводить вас к капитану Уоллесу. Прошу вас, сэр…

И он покосился на констебля, который старательно делал вид, что конфликт его нисколько не интересует, но при этом, навострив уши, прислушивался к разговору.

– Не беспокойтесь, сержант, – ухмыльнулся констебль. Тот факт, что вояку поставили на место, доставил ему нескрываемое удовольствие. – Я покараулю. Если марсиане решатся атаковать, я вас позову. Сходим в рукопашную…

Его прервал крайне раздраженный голос, донесшийся с балкона:

– Сержант, какого черта?! Почему вы пускаете в здание посторонних?!

Мы все, включая сержанта и констебля, выбрались из-под нависавшего над нами балкона и задрали головы вверх. Там обнаружился давешний майор с сигарой, пепел с которой не замедлил упасть прямо на фуражку сержанта.

– Виноват, сэр! – бедняга сержант оказался между двух огней. – Но я выполняю приказ капитана Уоллеса.

– Здесь приказываю я, а не капитан Уоллес!

Майор побагровел, на шее его, затянутой в тесный воротничок мундира, четче проступили жирные складки. Я стал всерьез опасаться, что упрямца сейчас хватит апоплексический удар.

– Простите, сэр, – оправдывался сержант. – Насчет мистера Шерлока Холмса вы ничего не приказывали. А капитан Уоллес сказал…

– Мне плевать! Я поставил вам четкую задачу, сержант…

– Извините, что прерываю вас, майор, – вмешался Холмс. – Разве вы не привезли с собой бумаги из Бирмингема? С грифом особой секретности? Загляните в них, и это досадное недоразумение сразу разъяснится.

Майор уже открыл рот, чтобы ответить, но тут до него, похоже, дошел смысл сказанного моим другом. Он поперхнулся и закашлялся.

– Откуда вам известно о бумагах?! – выдавил он наконец.

Я постарался спрятать невольную улыбку. Ведь майор не имел чести быть знакомым с Холмсом и его удивительными дедуктивными способностями.

– Это элементарно, майор, – с великолепной небрежностью заметил Холмс. – Без сомнения, мой брат Майкрофт позаботился, чтобы в Молдоне мне не чинили препятствий. Именно тех, кстати, которые вы сейчас пытаетесь создать. Но не

лучше ли нам поговорить внутри? Здесь, как мне кажется, слишком много досужих глаз и ушей.

И впрямь, вокруг нас уже начала собираться толпа зевак, привлеченных шумной перепалкой. Остановился зеленщик с тележкой. От соседнего магазина подошли мясник и его помощник – оба в длинных белых фартуках с плохо отстиранными пятнами крови. Словно из-под земли, возникла компания мальчишек-оборванцев, как две капли воды похожих на своих собратьев с Бейкер-стрит. Приоткрыл окно в доме напротив любопытный старик. Замедлила шаги служанка, спешившая куда-то с корзинкой овощей…

Последняя фраза моего друга пробила броню упрямства майора. Оценив обстановку, он с явной неохотой махнул нам рукой:

– Ладно, заходите.

– Благодарю вас, сэр, – с отменной учтивостью Холмс еще раз козырнул и обернулся к сержанту, представляя меня: – Доктор Ватсон, мой друг и коллега. Этот достойный джентльмен – со мной.

И мы прошли в Мут-Холл мимо оторопелого сержанта.

2. Битва с паровым котлом

Из записок доктора Ватсона

(продолжение)

В просторный холл здания выходили три высокие двери с начищенными до блеска медными ручками. У каждой дежурило по полисмену. Возле лестницы, ведущей на второй этаж, замер по стойке «смирно» широкоплечий солдат. По ступеням едва ли не бегом спускался молодцеватый подтянутый капитан. Остановившись в двух шагах от нас, он быстро перевел взгляд с Холмса на меня и обратно.

– Мистер Шерлок Холмс? Доктор Ватсон? Я – капитан Уоллес. Добро пожаловать! Искренне рад знакомству – и прошу извинить за досадное недоразумение.

– Капитан! Куда вы запропастились? – послышался сверху нетерпеливый голос майора. Судя по всему, раздражение было его обычным состоянием. – Ведите штатских ко мне!

– Если под «досадным недоразумением» вы имели в виду майора, то не стоит извинений, капитан, – тихо произнес Холмс, следуя по лестнице за нашим провожатым.

Капитан улыбнулся одними губами, давая понять, что оценил намек, но тактично промолчал.

Майор Форестер – его фамилию позже сообщил нам капитан Уоллес – царил на втором этаже, единолично заняв обширную залу, в которой, наверное, мог бы заседать городской совет Молдона в полном составе. Сидя за монументальным столом из палисандрового дерева, спиной к окну, майор с выражением крайнего неудовольствия на лице листал бумаги. Надо понимать, те самые, о которых говорил Холмс.

– Здесь сказано, – не поздоровавшись и даже не представившись, ворчливо сообщил Форестер, – что вам, мистер Холмс, надлежит оказывать всяческое содействие в расследовании. О, содействие вам будет оказано, не сомневайтесь! Я знаю, что такое приказы, и умею их выполнять. Но лично я на пушечный выстрел не подпустил бы штатского к Директорату военной разведки! Когда речь идет о безопасности империи, делом должны заниматься профессионалы!

– Полностью с вами согласен, майор, – невозмутимо кивнул Холмс. – Профессионалы? Очень верно подмечено. Вы же не считаете дилетантами свое начальство, отдавшее вам приказ о содействии?

Майор начал медленно багроветь, закипая. Он напоминал перегревшийся паровой котел, у которого вот-вот сорвет крышку. На миг у меня даже возникла слуховая галлюцинация: я явственно расслышал шипение пара, вырывающегося через клапан. Секунду спустя я понял, что это не галлюцинация: сдерживаясь из последних сил, майор цедил воздух сквозь стиснутые зубы. К чести Форестера

стоит отметить, что он все-таки сдержался и не разразился проклятиями в адрес Холмса, как я опасался.

– Капитан Уоллес! – рявкнул он. – Поручаю этих штатских вашим заботам. Введите их в курс дела и оказывайте содействие согласно инструкциям из Бирмингема. Выполняйте!

– Будет исполнено, сэр! – щелкнул каблуками Уоллес.

Он поманил нас за собой. От меня не укрылось, как капитан и Холмс незаметно для майора переглянулись. Разумеется, мой друг нарочно поддел Форестера, чтобы тот поскорее спровадил гостей с глаз долой, поручив заботам капитана. Этим он, без сомнения, сэкономил немало времени и нервов всем нам.

Кабинет, который занимал капитан Уоллес, выглядел гораздо скромнее майорских апартаментов. Небольшой стол с лампой и письменным прибором, три стула с высокими спинками, книжный шкаф. Вот, собственно, и все.

Узкое окно выходило во внутренний двор.

– Присаживайтесь, господа. Еще раз замечу, что рад знакомству. Признаюсь, давно мечтал с вами встретиться. Я читал ваши записки, доктор. И ваши статьи, мистер Холмс: о растительных ядах, об определении сортов табака по пеплу… Я большой поклонник вашего дедуктивного метода, – уши капитана порозовели. – В меру своих скромных способностей я пытаюсь применять его на практике.

– Очень интересно, – Холмс слегка приподнял брови. – И что же вы, к примеру, могли бы сказать о нашем приезде?

Капитан на миг задумался, возведя взгляд к потолку.

– Вы приехали в Молдон сегодня, мистер Холмс. Скорее всего, утренним поездом из Челмсфорда. Добрались без особых происшествий. Вы еще нигде не успели остановиться. Кстати, если вам будет угодно, могу порекомендовать съемные апартаменты по умеренной цене.

– Для начала неплохо, – оценил Холмс с нехарактерной для моего друга благосклонностью. – Про Челмсфордский поезд догадаться было легко: других поездов сегодня не ожидалось, а в бричке сидит грузчик со станции в форменной куртке.

– Томас Рэдклиф, сэр. Я опрашивал его, как свидетеля.

– Браво, капитан! Мы с самого начала движемся в одном направлении. Итак, на мне дорожная одежда. Она не запачкана и не порвана, что свидетельствует об отсутствии серьезных происшествий в пути. А еще, выглядывая в окно, выходящее на Маркет-Хилл, вы заметили мой чемодан в багажном отделении брички. Из чего и сделали вывод, что я не успел нигде остановиться. Думаю, мы сработаемся.

– Искренне на это надеюсь, мистер Холмс.

– Хвала майору, отдавшему нас под вашу опеку! Кстати, майор плохо владеет ситуацией. Он прибыл только вчера вечером и не успел полностью войти в курс дел, хотя уже начал наводить тут свои порядки. Увы, чрезмерное усердие очень скоро создаст проблемы ему самому.

– Вы о приказе не пускать посторонних в здание? Кажется, я уловил ход вашей мысли, мистер Холмс. Действительно, майор прибыл вчера вечером, а приказ отдал сегодня утром. Но поскольку мы делим Мут-Холл с молдонской полицией, пускать посторонних придется так или иначе. Это лишь вопрос времени. Если бы Форестер прибыл раньше, проблемы с посетителями уже возникли бы. Но они не заставят себя ждать, и майору придется отменить свой приказ. Думаю, это произойдет сегодня же, ближе к вечеру.

– Прекрасно! Вы совершенно верно определили направление моих мыслей. Лишь одно мелкое дополнение: стоя на балконе, майор изучал окрестный пейзаж с любопытством, как нечто для него новое. Пробудь он в Молдоне хотя бы пару дней, пейзаж успел бы наскучить Форестеру, и никакого интереса на его лице не отразилось бы. Впрочем, это наблюдение послужило дополнительным подтверждением того, в чем я и так был уверен. А теперь перейдем к делу, ради которого я здесь. Прошу вас изложить все его обстоятельства с максимальной точностью. Значение может иметь любая мелочь.

– Я понимаю, сэр.

Капитан достал коробку с трихнопольскими сигарами:

– Угощайтесь, господа.

Поблагодарив, я взял сигару, а Холмс извлек свою трубку. Обмен репликами между моим другом и капитаном Уоллесом доставил мне истинное удовольствие. В кои-то веки Холмсу удалось встретить армейского офицера, использующего тот же метод, что и он сам! Но я не мог не отметить, что капитан, при несомненном уме и наблюдательности Уоллеса, отвечал медленно, как следует подумав и тщательно подбирая слова. Холмс же бросал реплики играючи, не задумавшись ни на мгновение. С другой стороны, сейчас Уоллесу, в отличие от нас с Холмсом, едва за тридцать. Можно было надеяться, что у капитана еще все впереди.

– Итак, господа, – от смущения Уоллес спрятался за завесой ароматного дыма, – дело это представляется мне странным до чрезвычайности. Уже тот факт, что двенадцать боевых треножников марсиан были остановлены и частично уничтожены совершенно непонятным способом, достоин самого пристального внимания. Осмотрев место сражения, я поначалу предположил, что против марсиан было использовано неизвестное нам чрезвычайно мощное оружие. Но ряд обстоятельств, а также некоторые весьма странные находки, приобщенные к вещественным доказательствам, намекают на сверхъестественную подоплеку молдонских событий. Впрочем, судите сами…

3. Ведьма

– Ведьма! Ведьма!

Том оглянулся. К нему спешила миссис Трелони.

Миссис Трелони была эмансипанткой. Том не знал, кто такие эмансипантки, но слышал, что они хотят играть в крикет, забивать сваи и заседать в парламенте. Насчет парламента и крикета у Тома не было своего мнения, а сваи при

телосложении миссис Трелони можно было забивать одной левой, не спрашивая отдельного разрешения. Жена торговца скобяными изделиями, человечка боязливого и тщедушного, мать троих детей, лишенных права голоса еще в колыбели, Анна Трелони забрала в семье полную власть. Как правило, она носила белую блузку в комплекте с юбкой и жакетом из темной шерсти – костюм этот миссис Трелони гордо называла «либерти». Но сегодня рупор свободы без видимой причины изменил старым привычкам и разоделся, как на праздник. Летнее прогулочное платье из репса, отделанное бедфордскими кружевами машинной работы, дополнялось зонтиком и шляпкой, похожей на цветущий куст шиповника.

– Ведьма! Том, дружок, ты же сказал им, что миссис Лиггинс – ведьма!

В дружки Рэдклифа зачислили впервые. Обычно для миссис Трелони он был «тем громилой».

– Я… – начал было Том.

Но миссис Трелони, по выражению лица Рэдклифа догадавшись, что грузчик не выполнил важнейшую из задач современности, уже потеряла к Тому всякий интерес.

– А вы, мистер Леннон?

Возница меланхолично сплюнул под копыта лошади. Лошадь, охваченная еще большей меланхолией, переступила с ноги на ногу и фыркнула.

– Вам должно быть стыдно, миз Трелони, – Том постарался вернуть себе самообладание. Однажды миссис Трелони при помощи зонтика накрепко вбила ему в голову, что обращаться к ней стоит, используя прогрессивное слово «миз», а никак не ретроградное «миссис». С тех пор Рэдклифу стоило большого труда вовремя вспомнить, как именно надо именовать миссис – тьфу ты! – миз Трелони.

– Мне? Ах ты, грубиян! Угнетатель!

– Ведьма? Как интересно! Разрешите представиться, дорогая миз Трелони: Шерлок Холмс. Я с радостью выслушаю вас насчет ведьмовства миссис Лиггинс.

Том не заметил, когда мистер Холмс в сопровождении доктора и капитана Уоллеса вышел из управления. В любом случае, Рэдклиф чертовски обрадовался: тяжесть беседы с бешеной эмансипанткой теперь ложилась на плечи образованных джентльменов, освобождая несчастного грузчика. Отступив в сторону, он вздохнул, чувствуя себя тупицей. Вот мистер Холмс, к примеру, с первого раза запомнил обращение «миз». На то и джентльмен, чтобы все запоминать без побоев.

– Вы! – зонтик миз Трелони уставился на Холмса. – Большая шишка из Лондона!

– Из Суссекса, – уточнил Холмс, мило улыбаясь.

– Вы приехали вынюхивать? Ну так я вам дам хороший след!

– Ведьма, – в беседу вмешался доктор. – У вас есть доказательства?

– У меня хватит доказательств на смертный приговор! – кажется, миз Трелони забыла, что миссис Лиггинс была уже вне юрисдикции земных судов. – Знаете, с чего мы начнем? С самого дорогого, что есть в мире! С наших детей!

Том обратил внимание, как вздрогнул мистер Холмс. Если верить доктору, удивительный пасечник так любил детей, что эта тема была для него крайне болезненной.

– Она сказала моему Джону, что за ним придет Лентяй Лоуренс! И все из-за какого-то паршивого шиллинга, который Джонни якобы у нее украл. Представляете? Лентяй Лоуренс!

– Он пришел? – Холмс достал блокнот и карандаш. – Я имею в виду, Лентяй Лоуренс?

– Да! Он обернулся жеребенком и полчаса гонял моего несчастного Джонни по саду. Мы нашли его лежащим под вишней, совершенно без сил!

– Жеребенка?

– Джонни! А крошка Пэг? Эта ведьма пригрозила ей тварью Зубы-как-Борона!

– Без причины?

– Разумеется! Речь, правда, шла о белье, сорванном с веревки и оброненном в грязь, но крошка Пэг тут совершенно ни при чем. Уверяю вас! Дитя не склонно к буйным шалостям и проказам…

– Вернемся к Зубам-как-Борона. Надеюсь, ваша дочь жива и здорова?

– Слава богу! Но она потеряла сон. Ей чудится, что ночью из-за двери подвывают.

– Членораздельно?

– Вполне!

– Что именно подвывают из-за двери, миз Трелони?

– «Принесите ее мне! Я накормлю ее пеплом и кислым молоком!» Пэг утверждает, что днем тварь прячется в чулане под лестницей. Я проверяла, там никого нет. Но это ничего не значит! Она ведьма, говорю вам! Вы знаете, как ее зовут?

– Тварь? Вы сами сказали: Зубы-как-Борона.

– Миссис Лигинс!

– Звали, – вполголоса поправил Том. – О покойниках говорят: «звали»…

– Молли! – миз Трелони пропустила реплику грузчика мимо ушей. – Ха! Какая она Молли? Я выясняла: она – Мельхиора! Ну разве есть такое христианское имя – Мельхиора?! Вот и викарий Симпсон говорит…

– Есть, – возразил Холмс, делая записи. – Так звали одного из трех волхвов, пришедших поклониться младенцу Иисусу. Об этом упоминает Беда Достопочтенный, автор «Церковной истории англов». Впрочем, я никогда не слыхал о женской форме этого имени.

Зонтик вознесся к небу:

– Я не знаю, что там написал ваш Беда, – шляпка эмансипантки сбилась на затылок, верхняя пуговица блузки грозила вот-вот отлететь, – но порядочную женщину не могут звать Мельхиорой! Ради счастья и благополучия наших детей…

– Благодарю вас, миз Трелони. Вы нам очень помогли.

– Вам? Надеюсь, вы не имеете в виду этого солдафона Уоллеса, и уж тем более грубияна-грузчика?

– Я имею в виду моего друга, доктора Ватсона.

– Доктор! – обрадовалась миз Трелони. – Доктор, у меня все время чешется ухо! К чему бы это?

– Какое? – сурово спросил доктор.

– Левое.

– К сплетням.

И доктор Ватсон прошел к бричке.

– Обратите внимание, дорогой друг, – сказал ему Холмс, занимая место рядом. – Все уже знают и о моем приезде в Молдон, и о цели этого приезда. Вот бы у кого поучиться нашей доблестной разведке…

– Волхвы, – неожиданно вспомнил доктор. – Одного звали Мельхиором, как и бедную миссис Лиггинс. Как звали остальных, Холмс?

– Каспар, – не медля ни секунды, ответил Холмс. – И Бальтазар.

Умащиваясь бок о бок с возницей, Том кое-что вспомнил.

– Бальтазар, – повторил он. – Мистера Лиггинса звали Бальтазаром.

– Это точно, молодой человек?

– Да.

4. На руинах

Из записок доктора Ватсона

(продолжение)

По дороге к месту происшествия я попросил возницу сделать небольшой крюк, чтобы заехать в госпиталь Святого Петра. Я должен был предупредить Хокинса и Мак-Кормака, что в ближайшие дни им придется управляться без меня. На станцию капитан Уоллес по просьбе Холмса отправил солдата-посыльного с письмом для мистера Иствика, дабы нашего помощника Томаса Рэдклифа не уволили за прогулы. Не было сомнений, что мистер Иствик с пониманием отнесется к настоятельной просьбе Директората военной разведки, которому срочно понадобился один из его работников.

Все предыдущие шесть дней я безвылазно провел в госпитале, до глубокой ночи оперируя, промывая раны и делая перевязки. Лишь на три-четыре часа я возвращался в съемную комнату через дорогу, чтобы поспать и восстановить силы. Поэтому я не имел возможности видеть, что творится в городе. Марсиане отброшены, Молдону ничто не угрожает – это все, что я слышал от коллег и пациентов. Я даже обедал в госпитале – в основном тем, что приносила нам добрая миссис Хокинс. Сегодняшним утром я был всецело занят отправкой раненых, а после – беседой с Холмсом. Сейчас я с интересом глазел по сторонам, попросив возницу опустить назад откидной кожаный верх нашей брички.

Людей на улицах было немало – но все же не сравнить с толпами, наводнившими город в тот день, когда мы с женой пробирались к берегу Вайрли Ченнел. Бурный поток хлынувших из Лондона беженцев уменьшился до размеров

бойкого весеннего ручейка. Опасность со стороны марсиан все еще сохранялась, но она поблекла, скрывшись за лондонскими туманами, перешла из области сиюминутной смертельной угрозы в область зловещего, но абстрактного бедствия, от которого надо держаться подальше.

Среди беженцев больше не наблюдалось паники. Повозки и пешеходы двигались к морю целеустремленно, без прежней отчаянной спешки. Этому способствовал воздвигшийся на перекрестке констебль, преисполненный важности доверенной ему миссии. Он указывал беженцам дорогу и помогал советами, как лучше добраться до пристаней. Даже позеленевшая от времени бронзовая фигура эрла Бритнота с воздетым к небесам мечом заметно проигрывала в сравнении с достойным блюстителем порядка.

Контраст между мирной жизнью, возвращавшейся в Молдон, и следами недавних сражений был разителен. Вот только что колеса брички стучали по булыжникам чисто выметенной Фэмбридж-роуд: двухэтажные домики из красного кирпича, любовно подстриженные газоны и палисадники. И уже на углу солдаты и пожарные разбирают обугленные развалины, а рядом скорбно застыли несчастные погорельцы и их родственники. Перед ними на куске ветхой парусины бережно раскладывают пожитки, уцелевшие под руинами.

Тепловой луч прошелся по городу, описав замысловатую кривую. Он пощадил одни здания и безжалостно разрушил другие. Вряд ли в движении луча имелась какая-то система. Скорее всего, выпустивший его марсианин жег постройки без конкретной цели: для острастки или просто развлекаясь. В итоге часть улиц не пострадала, кое-где рухнули отдельные дома, а местами я видел сплошное пепелище.

Наконец наша бричка свернула на Мермейд-уэй и остановилась, не доезжая десяти ярдов до перекрестка с Оук Клоуз. Развалины углового дома ограждали колышки с натянутой на них красной лентой. Внутри этого символического ограждения трудилась шестерка солдат под командой капрала. Согласно приказу капитана Уоллеса, они с предельной аккуратностью разбирали завал из балок, местами превратившихся в уголь, и битого кирпича – все, что осталось от дома несчастных Лиггинсов.

Холмса развалины, как ни странно, не заинтересовали. Выбравшись из брички, он решительно направился прочь по Мермейд-уэй. Буквально через два дома город заканчивался; за дорогой начинались поля, простиравшиеся на несколько

миль. Не переходя дороги, мой друг остановился, изучая нечто на юго-востоке. Я подошел и, встав рядом, проследил за взглядом Холмса.

На расстоянии около мили посреди широкого поля высились пять марсианских треножников. Впервые с момента памятного сражения, свидетелем которого мне довелось стать, у меня появилась возможность как следует рассмотреть эти жуткие и удивительные машины. Их чуждость сразу бросалась в глаза. По спине у меня пробежал холодок, несмотря на жаркий июньский день. Я замер, не в силах отвести взгляд от треножников, пораженный застывшим совершенством и убийственной целесообразностью механизмов. Три аппарата выглядели невредимыми, их броня ярко блестела в лучах солнца. Еще один почернел и обуглился, а последний потускнел, утратив свой металлический блеск, и походил скорее на каменное изваяние.

– Весьма нерациональная конструкция, – нарушил молчание Холмс.

– А я как раз подумал, насколько они совершенны, – в растерянности произнес я. – Что же в них нерационального, Холмс?

– Способ передвижения. Нет, сама по себе идея использовать механические ноги вместо колес – замечательна! Но почему три ноги? Почему не четыре, как у большинства животных? Не шесть, как у насекомых? Не восемь, как у пауков или тех же спрутов, на которых, если верить газетам, похожи марсиане? Природа не зря наделила свои творения симметрией и четным количеством конечностей. Перемещение на трех ногах ей чуждо. Мне кажется, эти машины должны передвигаться, как одноногие калеки на костылях.

Он задумался, и я, опасаясь сбить Холмса с мысли, не стал говорить, что видел, как двигаются марсиане. И что их перемещение меньше всего напоминает шаги калеки на костылях.

– Впрочем, я могу и ошибаться, – сообщил мой друг, выйдя из задумчивости. – Хотел бы я увидеть их машины в движении!

В этом был весь Холмс. Предмет интереса мог полностью поглотить его изощренный ум. При этом он и знать не хотел, какую смертельную опасность представляет действующий марсианский треножник!

– Возможно, управлять шагающей машиной с бо?льшим количеством ног слишком сложно, – бормотал тем временем Холмс, разговаривая сам с собой. – Потому они и избрали трехногую конструкцию…

Он замолчал, бросил последний взгляд на треножники, застывшие в поле, и резко развернулся.

– Впрочем, у нас есть дела поважнее, – заявил он другим тоном. – Приступим к осмотру места происшествия.

После созерцания марсианских механизмов Холмса охватил приступ деятельной активности – подобные вспышки, присущие моему другу, я не раз имел возможность наблюдать. Как выяснилось, Том жил совсем рядом – он указал нам свою хибару, видневшуюся в конце проулка. Холмс послал его обойти окрестные дома, дабы выяснить, кто из соседей сейчас дома, и попросить их никуда не уходить в ближайший час. Меня он отправил пройтись по Оук Клоуз, фиксируя все разрушения, какие мне попадутся по пути. В первую очередь – причиненные огнем, а также всё прочее, что покажется мне необычным или просто заслуживающим внимания. Сам же Холмс решительно перешагнул через ограждающую ленточку, предъявил капралу бумагу, полученную от капитана Уоллеса – и через минуту уже рыскал вокруг развалин, живо напоминая ищейку в поисках утерянного следа.

Своих способностей я не переоценивал. Мне никогда не сравниться с Холмсом в наблюдательности и умении делать выводы. Скорее всего, мой друг дал мне это поручение лишь для того, чтобы я не чувствовал себя лишним. Тем не менее, я вознамерился в точности исполнить инструкции Холмса. Я шел не торопясь, внимательно осматривая уцелевшие постройки. За тремя каменными домами следовали два деревянных; в конце проулка, в тупике, стояла хибара нашего приятеля Тома. Никаких следов огня и разрушений я не обнаружил, как ни старался, и повернул обратно, двинувшись по противоположной стороне улицы.

В траве у забора белел обрывок бумаги. Я сразу припомнил рассказ капитана Уоллеса. По его словам, марсиан под Молдоном остановили совершенно необъяснимым способом. Вернее – разными необъяснимыми способами. Два или три треножника взорвались, словно в них угодили артиллерийские снаряды. В один с чистого неба ударила молния. Еще один рассыпался в прах, насквозь проеденный ржавчиной в считанные секунды. Три сожгла и расплавила огненная стена. Откуда она взялась, никто не знал. Какой-то механизм, словно

по волшебству, обратился в камень. Остальные выглядели целыми, но сидевшие в них марсиане погибли. Кучки пепла, лужа дурно пахнущей слизи – все, что осталось от захватчиков.

Источник силы, поразившей марсиан, был известен – сияющий кокон, всплывший над домами. В коконе якобы находилась девочка Дженни, племянница погибших Лиггинсов. Кокон не мог быть галлюцинацией – его наблюдали десятки, если не сотни людей. Я и сам видел его издалека, с берега Вайрли Ченнел.

Оптический феномен, вроде миража в пустыне?

Как ни крути, Дженни была причастна к случившемуся. Рано или поздно Холмсу придется поговорить с ней, сколько бы мой друг ни откладывал эту беседу. Свидетели, в частности, Томас Рэдклиф, утверждали, что в кулачке Дженни сжимала обгорелый листок бумаги. Мелочь, не заслуживающая внимания на фоне случившихся событий? Однако капитан Уоллес счел необходимым сообщить о листке своему начальству. Листок настолько заинтересовал Майкрофта Холмса, чей ум не уступал уму младшего брата в мастерстве делать выводы, что в телеграмме от Майкрофта значилось: «Ключ – девочка-сирота. Страница из книги.»

Что же кроется в этом листке?!

Я наклонился и дрожащими от волнения пальцами поднял смятую бумагу. Это оказался обрывок лондонской «Дейли Телеграф» месячной давности. Вряд ли именно его так настойчиво искал Директорат военной разведки, призвав на помощь Шерлока Холмса! Тем не менее, я отряхнул грязь с газеты и, аккуратно сложив, спрятал добычу в карман.

Более я не обнаружил ничего заслуживающего внимания.

Холмс, как выяснилось, уже закончил осмотр развалин и теперь беседовал с капралом. Заметив мое приближение, он махнул мне рукой, приглашая присоединиться. В ответ на вопросительный взгляд Холмса я лишь покачал головой.

– Не расстраивайтесь, друг мой. Отрицательный результат – тоже результат. Он, кстати, подтверждает мои предположения, так что вы не напрасно прогулялись

по Оук Клоуз. Извините, капрал, это я не вам. Прошу вас, продолжайте.

Покосившись на меня, капрал продолжил:

– …я и говорю: нет ничего. Должны быть, а нет. Тут соседи подходят, спрашивают: нашли, мол? Книги-то? Интересно им, понимаете! У Лиггинсов, говорят, книг было – что патронов на складе в Клэктоне! Во всем Молдоне только в Плумовской библиотеке книг больше, чем у них. В смысле, было. А теперь – нет. Сами смотрите…

Капрал указал на находки, аккуратно разложенные возле уцелевшего кирпичного забора. Обломки статуэток из фарфора, бронзовый чернильный прибор, две разбитые лампы, бритвенные принадлежности, останки чайного сервиза, дюжина серебряных ложек, сломанная этажерка, два помятых ведра, груда обгорелой одежды – вперемешку мужской и женской…

– Пожар, – напомнил я. – Книги отлично горят.

– Горят, – кивнул Холмс. – Но никогда не сгорают полностью. У Лиггинсов, насколько я понимаю, имелись старинные фолианты. В кожаных и даже деревянных переплетах. С металлическими скобами, застежками. Где все это? Хотя бы опалённые остатки? Пепел, в конце концов? Капрал прав. Либо соседи врут в один голос, что маловероятно, либо домашняя библиотека Лиггинсов удивительным образом исчезла. Подчеркиваю: не сгорела, а именно исчезла!

Он вновь обернулся к капралу:

– Благодарю вас, вы сообщили действительно ценные сведения. Возможно, вы заметили еще что-то странное? Необычное?

– Как вам сказать, сэр… – замялся капрал.

– Говорите, как есть. Я не стану над вами смеяться или обвинять вас во лжи. Знали бы вы, какие невероятные истории мне доводилось выслушивать, а в некоторых даже принимать участие…

– Воля ваша, сэр. Нечисто тут, с этим домом. Днем еще ничего, а вот когда, не приведи Бог, ночью караулим… Капитан Уоллес ведь как приказал? Охранять днем и ночью! Дело государственной важности!

– Весьма предусмотрительно со стороны капитана.

– Оно-то, конечно, да, – капрал носком сапога ковырнул сухую землю. – Только ночью тут такое творится, сэр! Я сам вчера караулил. Ох, натерпелся! Когда руины светиться начали – это еще ладно. Светятся, и бог с ними – вроде гнилушек в лесу. Но когда эти объявились…

– Кто?

Капрал помедлил, собираясь с духом. Он глубоко вдохнул, как перед прыжком в воду, и наконец решился:

– Призраки!

– Вы уверены?

– Клянусь вам, сэр, я не вру! И не пил ни капли. Уж лучше б выпил…

– Точно призраки? – со всей возможной серьезностью поинтересовался Шерлок Холмс. – А не просто мародеры? Воры?

– Да что я, призрака от вора не отличу?! – обиделся капрал. – Какие же они воры? Они как раз не воры, а хозяева! Одежда, правда, не ко времени. Плащи длинные, до земли – такие лет двести назад носили, я на картине видел. И шляпы…

Капрал изобразил руками нечто высокое, остроконечное, с широченными полями.

– И видно через них насквозь! И пули их не берут!

– Вы что же, проверяли?

Капрал смутился:

– Ну да… В первый раз как увидел, так и пальнул с перепугу. Я ж на посту, револьвер при мне… Я, может, и не самый лучший стрелок, но с пяти ярдов по человеку не промахнусь! А ему – хоть бы что. Даже внимания не обратил. Тут и она объявилась. Давай вместе по развалинам рыскать – ищут, значит.

– А вы?

– Сижу за кустами, дрожу. Зубы от страха так и клацают. Убежать нельзя – на посту я. И сидеть мо?чи нет… Ничего, высидел. А как они исчезли, ближе к рассвету – и не заметил. Только что были – и уже нет никого…

Он помолчал, отведя взгляд в сторону, а потом решительно уставился прямо в глаза Холмсу:

– И знаете, что я вам скажу, сэр? Не слушайте, что вам на них клепать будут! Хорошие они люди. Живые, призраки – хорошие. Я по ним стрелял, а они меня не тронули, ничего плохого не сделали.

– Так вы их узнали?

Судя по тону, каким мой друг задал вопрос, он уже знал ответ.

– Ясное дело! – подтвердил капрал. – Как не узнать? Лиггинсы-покойники это были, Бальтазар и Молли.

Интермедия

Магия требует жертв

– Ты идиот, Снегирь! Ты кретин со справкой…

Тюня шипела разъяренной гадюкой. Еще минутой раньше она сидела на диване, в ногах у изобретательной Анны Игоревны, и тралила интернет моим планшетом – и вот уже гром и молния, и все казни египетские.

– Тише! – предупредил я.

Баба Фима развешивала в ванной стираное белье. Кажется, она уверилась, что посягательств на честь ее драгоценной Нюрки не предвидится, и столовое серебро мы тоже переть не станем. Такое доверие стоило дорого, слишком дорого, чтобы разрушать его случайным скандалом.

– Вернемся к идиотам, – я встал у окна. – Что дальше?

– Ты куда рулишь? Какая пасека? Какой Суссекс?! Шерлок Холмс переехал в Суссекс только в девятьсот третьем, если не девятьсот четвертом! А в девятисотом они с Ватсоном сидят в Лондоне, на Бейкер-стрит… Дело о шести бюстах Наполеона, понял?

– Ну и что? – зевнул я.

– А то, что Ватсон – вдовец! Первая жена умерла лет шесть тому назад, на второй он женится позже… Ты громоздишь ляп на ляп! Мы из этого дерьма вообще никогда не выберемся!

– Тихо, дитя мое…

Чай остыл. Впрочем, я любил такой, холодный.

– Ты испорчена интернетом, Недереза. Интернетом и своими дотошными читателями. Все улики, которыми ты загоняешь меня в угол – плюнуть и растереть. В лучшем случае, выскочить на форум и закидать меня банановыми шкурками. Да, накладки. И что?

– Чего ты хочешь?

– Я? Чтобы программа выбралась на магистраль «Войны миров».

– И для этого валишь достоверность?

– Ты читала «Белый Отряд»?

– Н-нет, – опешила Тюня.

– Рыцарская дилогия у Конан Дойля. Два романа, между которыми проходит четверть века, если не больше. Сэр Найджел в первом романе отправляется в поход на коне по кличке Поммерс. И во втором – на том же самом коне по кличке Поммерс. Тебя не смущает боевой конь-долгожитель? Кстати, во втором романе сэр Найджел не узнает при встрече своего верного слугу и соратника, который сопровождал его много лет. Представляешь? Дон Кихот не узнает Санчо Пансу! Можно было бы списать ляп на близорукость рыцаря. Но уж имя-фамилию лучника он точно должен помнить…

– Конь, – Тюня вернулась на диван. – Кони столько не живут.

– Вот-вот. Причем этот конь то соловый, то вороной. Мутант-хамелеон, принц инкогнито с Марса. Детка, я скармливаю программе не цельный текст. Я кормлю ее отрывками, ключевыми эпизодами. Дальше она борется сама. И то, что она клюет у меня с ладони, свойственно творчеству Уэллса и Конан Дойля. Они так писали, не слишком заботясь о мелком фактаже. Это не мешало ни читателям, ни критикам, дай им бог всяческого здоровья. Я даю программе витамин свободы, отучаю цепляться к пустякам. На твоем месте я бы молил Исидора Севильского, святого покровителя интернета, совсем о другом…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Интерме?дия (от лат. Intermedius – находящийся посередине) – сцена комического характера, разыгрываемая между действиями основной пьесы.

Купить: https://tellnovel.com/genri-oldi/sherlok-holms-protiv-marsian

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити